Пётр Нагель

Железная Тьма. Часть 1

Пётр Нагель

Железная Тьма. Часть 1

https://litres.ru/74765272
SelfPub; 2026

Аннотация

Мир, в котором не оказываются по ошибке. Мир, где ты не помнишь собственного прошлого, а вокруг лишь бесконечные металлические коридоры, шестерни и цепи. Здесь пищу нужно заслужить, а за каждую ошибку приходится расплачиваться голодом. Здесь нет тюрем и палачей, но тех, кто больше не способен работать, отправляют в утиль. Здесь чужая рука может стать твоей, а твоё тело – запасными частями для другого. Здесь нет ни добра, ни зла, лишь бесконечная работа и бездушный Механизм, для которого не существует живых существ, а есть только детали, выполняющие поставленные задачи. И самое страшное – никто не знает, зачем всё это существует и можно ли отсюда выбраться.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	59
Глава 4	94
Глава 5	114
Глава 6	134
Глава 7	159
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Пётр Нагель
Железная Тьма. Часть 1

Глава 1

Первое, что я почувствовал, — холод.

Не такой, от которого зубы стучат, а неприятный, пробирающий до костей. Особенно сильно мёрзли спина и задница. Последнее обстоятельство заставило меня наконец открыть глаза.

Хотя толку от этого оказалось немного.

Вокруг стояла непроглядная темнота.

Я попытался пошевелиться. Руки слушались, ноги тоже. Уже неплохо. По крайней мере, ничего не болит, если не считать затёкшей шеи и пульса, долбившего где-то в затылке. Сердце колотится.

Подо мной какая-то очень твёрдая поверхность. Гладкая, ровная и холодная. Металл?

Я сел, машинально потянувшись рукой к лицу.

— Твою мать...

Голос прозвучал неожиданно громко. Слова отразились от стен и почти сразу затихли. Стены явно твёрдые.

Я замер.

А почему вокруг стены?

Осторожно вытянув руку, я наткнулся на что-то твёрдое. Провёл ладонью влево, потом вправо. Поверхность была совершенно гладкой, без единой трещины или выступа.

Попытался подняться, качнулся назад и ударился лопатками о холодную вертикальную поверхность. Пришлось опереться на неё спиной.

И тут до меня дошло ещё кое-что.

Я же совершенно голый.

Ни штанов, ни рубашки, ни даже трусов.

— Замечательно, — пробормотал я. — Просто замечательно.

Первым делом захотелось понять, куда подевалась одежда. А потом возник вопрос куда интереснее.

Где я вообще нахожусь? Похмелье? Заперли в туалете?

Туалет… Хочу ли я в туалет? Скорее нет, но какие-то отдалённые позывы есть.

Я закрыл глаза, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь.

Ничего.

Попробовал ещё раз.

Последнее, что помню... Последнее...

А что, собственно, я помню?

В голове словно образовалась пустота. Я прекрасно понимал, что такое одежда, стены, пол. Знал, как разговаривать, как двигаться. Даже мог представить себе машину, дерево или человеческое лицо.

Но стоило попытаться вспомнить что-то конкретное из

собственной жизни, как всё исчезало.

Где я жил? Не знаю.

Чем занимался? Без понятия.

Как меня зовут?

Я стою в полностью тёмной железной комнате. А если это морг или крематорий? Это может быть крематорий?

Вот это уже было совсем плохо. По телу пробежала лёгкая дрожь. Страх? Нет, скорее озноб. Страха точно нет.

Несколько секунд я стоял неподвижно, пытаясь осмыслить происходящее.

Имя. У меня должно быть имя. Это ведь не такая сложная вещь, чтобы её забыть. Имя… Давай, шевели извилинами, вспоминай!

Однако сколько я ни пытался, не получалось вспомнить даже собственное имя.

— Так, спокойно, — произнёс я вслух. — Давай по порядку.

Собственный голос почему-то немного успокаивал.

— Ты живой. Руки-ноги на месте. — Я ощупал одну руку другой. — Значит, уже не всё так плохо. Ноги держат и даже не дрожат. Ну, почти.

Звучало не слишком убедительно.

Я осторожно двинулся вдоль стены.

Три небольших шага — и пальцы наткнулись на угол. Повернув, я продолжил движение. Ещё несколько шагов. Следующий угол. Тьма и холод.

Постепенно удалось выяснить, что нахожусь в маленьком квадратном помещении. Метра два на два, не больше.

Никакой мебели.

Никаких окон.

И, что самое неприятное, никакой двери.

Я обследовал стены несколько раз. Сначала ладонями, затем кончиками пальцев, ногтями. Водил ими по поверхности, вдавливал в металл, пытаясь нащупать хоть какую-нибудь щель.

Безрезультатно.

— Ну не мог же я здесь появиться из воздуха? Или мог? А как?

Мысль показалась настолько нелепой, что я невольно усмехнулся.

Хотя других объяснений пока не находилось.

Я опустился на пол, а точнее, просто сполз по стене, ощущая лопатками холод.

Нужно было подумать.

Возможно, я сюда свалился. До потолка я ведь не достал. Раз дверей нет сбоку, значит, дверь сверху. Логично? Логично, чёрт возьми! А раз ничего не помню, значит, ударился головой. При падении, например. Или ударили? Точно ударили… По голове, раздели и заперли здесь. Но тогда почему ничего не болит? И зачем вообще кому-то понадобилось меня раздевать? Воры-извращенцы? Или заметают следы? Твою мать, в голове словно ветер гуляет.

Может, это больница?

Я снова ощупал пол.

Нет, на больницу совершенно не похоже. А много больниц я вот так щупал? На ощупь кто-то вообще помнит больницу? Запах — да, шум аппаратов, но тактильно? Разве что… А почему так темно? Может, я слепой, потому и не помню ничего? Что для меня память вообще: картинки, звуки, запахи? Или я помню мир лишь по очертаниям, которые рисуют пальцы в моём воображении?

От этой мысли стало не по себе.

Внезапно я заметил что-то странное. Точнее, услышал: сверху что-то зажужжало.

Я поднял голову и увидел, как почти посередине потолка на мгновение вспыхнула крошечная красная точка.

Я замер.

Точка исчезла.

Через несколько секунд появилась снова.

— Опа...

Я поднялся.

Маленький огонёк продолжал мерцать с равными промежутками времени.

Камера?

Возможно. Почему-то в голове представилась камера наблюдения. Я что, в каком-то дурацком телешоу? Нет, наверное. Я же полностью голый. Или опять извращенцы? Так, надо вернуть мысли к огоньку. Камера.

Я видел подобные устройства... Где-то видел. Не помню где, но совершенно точно знаю, что существуют камеры наблюдения, у которых вот так мерцает огонёк.

Получается, за мной кто-то следит. Я почти уверен в этом.

Я поднял руку, посмотрел прямо на красную точку и помахал.

— Эй! Есть кто-нибудь?! Это какая-то ошибка, у вас тут человек живой!

Ответа не последовало.

— Я знаю, что вы меня слышите! Какого чёрта здесь происходит?!

Тишина. Они ведь слышат? Да не факт… Даже не факт, что видят. Это ведь я решил, что на потолке камера. Может, датчик дыма? Бывают же датчики дыма? Точно бывают. Или сигнализация.

Я подождал немного.

Огонёк снова мигнул.

— Ну давай, поморгай ещё. Очень содержательный разговор!

Неожиданно точка загорелась ровным светом, а рядом пару раз мигнул синий огонёк.

Я осёкся.

Несколько секунд ничего не происходило.

Затем где-то за моей спиной раздался тихий щелчок.

Я резко обернулся.

В стене появилась тонкая вертикальная полоска света.

— Да, чёрт возьми! Да! Ну наконец-то!

Полоска медленно расширялась, и вскоре я понял, что передо мной открывается проход.

За ним находилось другое помещение, настолько светлое, что мне пришлось прикрыть глаза рукой. Даже сквозь закрытые веки пробивался яркий свет.

Так я и простоял какое-то время с кислой миной, не то щурясь, не то кривясь от осознания, что на меня, голого, льётся яркий и тёплый свет. Но стыда не было. Это они меня сюда поместили, чего мне стыдиться?

Я невольно отступил.

Ну что, вот и дверь.

Осторожно приблизился к проходу, остановившись в паре шагов от него.

— Эй! — позвал я снова. — Кто-нибудь меня слышит?

Никто не ответил. Я переступил порог, всё ещё почти ничего не различая, выставив руку перед собой.

Оставаться в темноте совершенно не хотелось.

Впрочем, выбор у меня был невелик. Глаза немного привыкли к свету, и я, прищурившись так, что между веками осталась узкая щёлка, попытался осмотреться.

— Ладно, — тихо произнёс я. — Посмотрим, что у вас там.

Обернувшись, я заглянул в тёмную комнату и убедился, что никаких вещей там точно не осталось. На потолке действительно висела камера, но совсем не такая, как я пред-

ставлял: скорее шар размером с футбольный мяч, закреплённый на полуметровом стержне, торчащем из потолка. В шаре поблёскивала на свету целая дюжина отверстий.

— Долбануться можно.

— Ага!

Я резко дёрнулся, одной рукой прикрывая пах, а вторую выставляя перед собой, словно собрался защищаться. Но крутанулся слишком резко, то ли пол оказался скользким, то ли ноги меня подвели. В итоге я почти совершил полный оборот и нелепо затоптался на месте, пытаясь снова повернуться к источнику звука.

На противоположной стене совершенно пустой комнаты обнаружилась ещё одна дверь, такая же гладкая, как предыдущая, но с решётчатым окошком. В него смотрела довольно улыбающаяся бородатая харя. Именно харя — грязная, заросшая, с проседью. Лицом я бы такое не назвал ни при каких обстоятельствах.

— Чего замер? Сюда топай! — очень звонко и задорно произнесла харя, не снимая своей странной, излишне широкой улыбки.

— Вы кто? Где я оказался?

— Нравится? Добро пожаловать! Сюда подойди, пожалуйста.

— Почему-то мне кажется, это плохая идея.

— Сюда вали резче, придурок тупой! У тебя есть минута, после чего Механизм пометит тебя браком или утилём, а мне

не выдадут порцию!

— Что ты несёшь? Ты больной? Эй! — Я обернулся через плечо к пустой комнате. — Позовите сюда кого-то из персонала, мне угрожает опасность!

Ступнями я ощутил лёгкую вибрацию. Развернулся в надежде, что это открывается дверь за спиной, но та не шевелилась. А потом с потолка полились струи тёплой воды.

Вода пахла чем-то очень знакомым.

Я закрыл глаза, пытаясь сразу же ухватить знакомое ощущение и вспомнить, с чем оно связано.

Пусто.

Просто запах, но никаких образов. Я мог бы описать его как аромат цветов или что-то близкое. Что-то приятное и мягкое.

Сквозь шум воды, барабанившей по металлу, я услышал чавканье. Обернулся.

Грязный мужик просунул руку через окошко, подставил ладонь под струи, а затем стал возить мокрой рукой по лицу, одновременно умываясь и пытаясь поймать капли ртом. Зрелище тут же отогнало все приятные ощущения. Стало не по себе. Жуткий, очень неприятный мужик.

Я так и стоял, уставившись на него, пока он резко не выпрямился, что-то невнятно пробурчал и исчез из окошка. Вскоре послышались удаляющиеся шаги.

Возле двери, где только что торчала его рука, на полу лежал какой-то предмет, похожий на свёрток. Вода на него не

попадала, хотя капли стучали совсем рядом.

Выждав с полминуты и убедившись, что я снова один, я подошёл к свёртку.

Впрочем, это оказался не свёрток. Плотный кусочек какого-то вещества, с одного бока слегка приплюснутый. Цвет белый, чем-то напоминает пельмешек.

Пельмешек… Откуда я это знаю? С памятью точно что-то не так. Я прекрасно помню бытовые вещи и явления, но ни одного события из собственной жизни. Вероятно, я не просто так в этом заведении. И этот грязный мужик… Скорее всего, я попал в дурку.

Я ещё раз осмотрелся. Потолок решётчатый, за ним сеть тонких трубок. Да это же душевая! Теперь понятно. Но чего хотел этот странный грязнуля? У меня есть всего минута, так он сказал.

Я поднял с пола пельмешек. Лёгкий. Не поймёшь, съедобный он или нет. На всякий случай зажал его в ладони.

Повернулся к двери и от неожиданности чуть не свалился.

Грязный мужик снова смотрел на меня сквозь решётку, широко улыбаясь. В руке у него было что-то похожее на карандаш или ручку.

— Руку сюда!

— Да ты издева...

Он просунул прибор между прутьями. Я не успел отдёрнуть руку, как он ткнул меня острым кончиком. Что-то пискнуло, и мужик шумно выдохнул:

— Чуть не опоздал, придурок ты долбанутый! Когда я говорю идти сюда, ты должен идти, понял меня? Понял? Если бы я не успел, ты бы уже издох!

— Да что тебе надо?! И чем ты меня ткнул?

Я осмотрел место укола. Вокруг маленькой красной точки медленно расползалось розовое кольцо. Совсем как после прививки.

— Дурак совсем? Я тебя родил, дебил. Ха-ха! Родил — дебил! Рифма получилась!

— Точно дурка…

— Ещё какая! Ох, какая же это дурка, ты бы только знал! А ты узнаешь! Ха-ха! Узнаешь, долбаный ты придурок!

— Хватит обзываться!

— Чего? А кто обзывается? Сдурел, что ли? Я таким вежливым уже лет пять не был! Короче, сидишь тут пять минут. Если корчи из тебя не полезут, дверь откроется. Выходи, забирай свои одёжки!

— А если полезут?

— Звездец тебе тогда. Мех тебя покромсает на запчасти.

— Мех?

— Ага, Механизм. Старшой наш. Как одежду выдаст, сам поймёшь.

— Дурка… Самая настоящая. Ну за что…

— Было бы за что, ха-ха! Тебя бы на дерьмо отправили! А раз ты тут, считай, элита! Заживёшь как человек!

С этими словами грязный мужик развернулся и, бормо-

ча что-то себе под нос, ушёл. На этот раз по-настоящему: я отчётливо слышал, как постепенно стихали его шлёпающие шаги и бормотание.

Снова посмотрев на руку, я опомнился:

— Эй! Чем ты меня уколол? Эй, это вообще…

Договорить я не успел. Сверху ударил сильный поток воздуха. Горячего и сухого!

— Да что ж такое!

Я начал крутиться, подставляя под него разные участки тела. Воздух обжигал кожу, но хотя бы быстро высушил меня после душа.

— Спасибо! — крикнул я куда-то наверх.

Потом всё стихло.

Я остался один. В одной руке зажат непонятный пельмешек, на другой краснеет след от укола. Дверь закрыта. Прекрасно.

Пришлось ждать. Я то разглядывал место укола, то прислушивался к собственному дыханию, то снова смотрел на дверь. Никаких корчей не начиналось. Рука слушалась. Остальное тело тоже.

Прошло, наверное, минут пять, когда дверь наконец открылась. Та самая, через решётку которой со мной разговаривал грязный бородач.

Я вышел.

За дверью обнаружился коридор. Длинный, но не настолько, чтобы не видеть его конец: метрах в пятидесяти впереди

темнел прямоугольник прохода. Позади была глухая стена. Металлическая, гладкая, как и все остальные.

Слева из стены торчал какой-то пакет. Его подсвечивал ярко-зелёный огонёк с противоположной стороны коридора, поэтому казалось, будто светится сам пакет.

— Допустим.

Я медленно подошёл к нему, ткнул пальцем. На ощупь внутри была какая-то тряпка.

— Да ладно!

Я сорвал пакет и, расковыряв его пальцами, достал оттуда трусы и… перчатки. А ещё носки. Белоснежные трусы, белоснежные перчатки и такие же белоснежные носки.

Спешно натянул трусы. Сели как влитые. Затем носки. От них ногам сразу стало теплее. А вот перчатки я сунул за резинку трусов, чтобы мой образ не выглядел как… А как? Не знаю как, но бродить в трусах и перчатках я был не готов. Есть в этом что-то явно неправильное. Опять в голове мелькнула мысль об извращенцах.

Пельмешек всё ещё был зажат в ладони. Я развернул одну перчатку, осторожно сунул его внутрь и вернул перчатки за резинку.

— А штаны? Майка? Хоть футболочка какая-нибудь? — обратился я к потолку.

Никакой реакции.

Я осмотрел себя. Трусы прикрывают то, что лучше не травмировать. Носки берегут ноги. Перчатки, видимо, пола-

гается надевать, чтобы руки не ободрать. Всё остальное пусть мёрзнет и царапается. Нелепо и тупо.

Гордо подтянув трусы, я пошёл дальше.

Идеально чистые, голые металлические стены. Ни надписей, ни указателей. А вот пол… Бред какой-то. Он был весь в мелких царапинах. Непонятно отчего. Скорее всего его здесь постоянно трут до блеска, и эта затёртость выдавала одно из двух: либо пол очень часто моют, либо с него постоянно что-то отмывают.

По мере продвижения по коридору я начал улавливать какой-то запах. Пока нельзя было сказать, что неприятный. Пахло чем-то мокрым. Мокрым металлом, мокрой землёй. Чем-то сырым.

Впереди болтался очередной футбольный мяч с глазами. Я подошёл к нему, уставившись чуть ли не в упор. В одном из отверстий мигнул синий свет, и прямо перед глазами возникла надпись:

Идентификация.

— Что за хрень…

Надпись не мешала обзору и не перетягивала на себя взгляд. По моим ощущениям, она висела где-то на расстоянии вытянутой руки. Я даже попытался потрогать её, водя ладонью перед лицом.

Пальцы прошли сквозь пустоту.

— Эй! — Я снова уставился в шар. — Лучше расскажите мне всё прямо сейчас или позовите главного, потому что это

ни черта не смешно. Что вы тут устроили? Телешоу? Эксперименты?

Надпись пропала.

— Эй!

Я ткнул пальцем в сторону шара. Достать до него не мог, поэтому просто погрозил.

— Вы за это ответите! Это незаконно!

Ещё немного постояв в ожидании, я опустил голову. Ладно. Попробую понять, где я вообще нахожусь. Очевидно, я тут не один, а раз так — кто-то точно должен что-то знать.

Приближаясь к тёмному прямоугольнику, я всё отчётливее ощущал сырой запах. И холод. Становилось холоднее.

— Если по вашей вине я отморожу себе что-либо, проблемы будут у вас невероятные!

Так я и шёл, периодически ругаясь с потолком, пока коридор не закончился и я не вышел на площадку.

И остановился.

Помещение оказалось огромным. Настолько, что противоположную стену я не сразу разглядел.

Высоко над головой тянулись металлические конструкции. Между ними проходили широкие трубы, а вдоль стен располагались многочисленные проходы, двери и уходящие вглубь коридоры.

По площадке передвигались люди. Много людей. Я прикинул, что тут человек тридцать минимум.

Одни тащили какие-то контейнеры, другие шли налегке.

Несколько человек сидели прямо на полу возле стены. А позади них трое грязных и потных мужиков тащили четвёртого за ноги.

Тюк, тюк, тюк.

Мимо меня прошла женщина с палкой вместо ноги. Палка стучала по полу на каждом шаге. Я проводил её взглядом, но она даже не повернула головы.

Одеты все были по-разному.

Кто-то в серых комбинезонах, кто-то в обрывках ткани, а некоторые, как и я, щеголяли практически в одних трусах.

Ну хоть не один такой красавец.

Я сделал несколько шагов и вдруг понял, что совершенно не представляю, куда идти дальше.

— Эй, новенький!

Я повернул голову.

У стены сидел худой мужчина неопределённого возраста.

Волосы редкие, лицо вытянутое, щёки впалые. На нём висела какая-то грязная тряпка, обмотанная вокруг туловища. Одна нога была босой, другая в сером носке.

Мужчина поманил меня пальцем.

— Сюда иди!

Я остановился.

— А тебе чего?

— Сюда подойди, говорю!

Ещё один. Что ж такое… Второй грязный мужик пытается мне приказывать.

— Я уже сегодня к одному подошёл. До сих пор не понимаю, что произошло. Ткнул меня чем-то и убежал.

Мужчина усмехнулся.

— В Пуповине, что ли?

— Чего?

— Ну ты вышел из Пуповины!

Он указал рукой за мою спину.

Я обернулся.

Позади тянулся тот самый длинный коридор, по которому я только что пришёл.

— Это, что ли?

— Ну а что ещё? Пуповина и есть!

— Почему Пуповина?

— А ты откуда вылез, а?

— Из комнаты.

— А до комнаты?

— Не знаю.

— Вот! Значит, родился! Тот, кто тебя ткнул, — родил. Витамины он тебе вколол и лекарства, чтобы ты не помер почём зря раньше времени.

Он довольно захихикал, обнажив редкие жёлтые зубы, а затем продолжил:

— Все оттуда выходят. Голые, тупые, ничего не понимают. Как младенцы. Только мамки у нас нет. Сами рожаем друг дружку.

Я посмотрел на коридор.

Пуповина.

Ну да. С определённой фантазией можно и так назвать.

— А ты, значит, акушер?

Мужчина перестал смеяться.

— Чего?

— Ну, детей принимаешь. Раз уж я «родился», как ты говоришь.

Он несколько секунд смотрел на меня, потом неожиданно расхохотался.

— Не-е, братец! Я тут по другой части!

— По какой?

Улыбка исчезла с его лица так же быстро, как появилась.

Он протянул ко мне худую ладонь.

— Поделиться есть чем?

— Чем?

— Питанием. Порцией. Хоть кусочек дай.

Я посмотрел на его руку. Грязная, волосатая. Или это плесень?

Потом на собственные трусы и торчащие из-за резинки перчатки. В одной из них лежал пельмешек. Но я совершенно не знал, что это такое. Даже если это именно то, что нужно попрошайке, с какой стати мне отдавать чужое? Эту хреновину обронил немытый бородач. К тому же я сам только что очнулся в неизвестном месте.

— Мужик, ты серьёзно? Я только что оттуда вышел. У меня даже карманов нет!

— Значит, совсем пустой?

— Как видишь.

Он разочарованно опустил руку.

— Эх. Совсем пустой...

Мужчина поднял голову и посмотрел на меня долгим, каким-то странным взглядом.

— Поделишься, когда покормят? — наконец спросил он и тут же затараторил: — Я тебе расскажу, что здесь и как, а ты мне рационч ик! Что скажешь? Ты сейчас на витаминах, тебе еда вообще не нужна. А мне вот… Совсем плохо уже.

Он снова протянул руку, на этот раз ладонью вверх.

— Подумай дважды! А то если не разберёшься с правилами, тогда будешь как я.

Я хотел спросить, что именно он имеет в виду, но мужчина уже отвернулся и принялся высматривать кого-то за моей спиной.

— Эй! Красавец! Поделись порцией, а? Хоть одним кусочком!

Я оглянулся.

Мимо нас проходил широкоплечий человек в грязном сером комбинезоне. Он даже не повернул головы.

Попрошайка проводил его взглядом, дождался, пока тот отдалится, и тихо выругался.

Я снова посмотрел на Пуповину.

Потом на огромную площадку, полную незнакомых людей.

И вдруг понял одну неприятную вещь.

Я не знал, кто я, не знал, где нахожусь, не знал, как сюда попал.

И теперь выяснялось, что тут есть какие-то особые правила выживания. Да что за бред! Не бывает так!

— Слушай, — обратился я к попрошайке. — А где тут вообще можно с начальством пообщаться? Организаторы там, я не знаю. Что это за место?

Тот повернулся ко мне.

— А чего тебе знать-то от них надо?

Я развёл руками.

— Ну... для начала, где я?

Мужчина посмотрел на меня так, словно я спросил, зачем людям нужны ноги.

Потом усмехнулся.

— А-ах, какой же ты, с-сука, с-свеженький, розовенький!

— Чего…

— Добро пожаловать, свеженький!

— Куда?

Он обвёл рукой площадку.

— Домой, придурок! Это твой новый дом! И последний! Тут ты будешь жить, и тут ты подохнешь!

Глава 2

— Ну спасибо, утешил. А экскурсия по дому будет? — спросил я попрошайку, сидевшего у стены.

Мужик уже открыл рот, собираясь что-то ответить, но вдруг замер. Его взгляд переместился куда-то мне за спину, и улыбка пропала.

— А-а, чёрт…

Он быстро поднялся, подхватил свою грязную тряпку и на удивление резво для такого тощего человека засеменил вдоль стены.

— Эй! Ты куда?!

— Потом! — бросил он через плечо.

И исчез за первым же поворотом.

Вот ведь странный тип. Сначала зовёт, потом убегает. И все вокруг какие-то… грязные, злые, недовольные.

Я обернулся, пытаясь понять, что его так напугало.

Ничего особенного.

Люди ходили, кто-то что-то тащил. Под потолком медленно проплывал уже знакомый шар с отверстиями. Только этот не висел на палке, а двигался вдоль металлической направляющей, изредка поворачиваясь из стороны в сторону.

— И чего? — спросил я в пустоту.

Шар продолжил движение.

Интересно, они здесь все такие? Камеры, в смысле. В каж-

дой комнате по одной, в каждом коридоре. Даже в туалетах, наверное. Хотя туалетов я пока не видел. Может, тут вообще в туалет не ходят? Нет, ерунда. Люди же здесь есть, а люди в туалет ходят.

В этот момент прямо перед глазами возникла надпись.

Новое задание: Доставка груза.

Я вздрогнул.

— Опять надписи!

Под надписью появились ещё несколько строк.

Получение: Блок 12.

Объект: Ящик 5601.

Доставка: Блок 44.

Выполнение: Да, Нет.

Я несколько раз моргнул.

Надпись никуда не исчезла.

Повернул голову влево, вправо. Надпись следовала за взглядом, оставаясь на одном и том же расстоянии.

— Да что ж ты за хрень-то такая…

Я попытался прикрыть её ладонью. Как и в прошлый раз, ничего не получилось.

— Это что, работа? Уже?

Я снова перечитал текст.

Блок двенадцать.

Ящик пять тысяч шестьсот один.

Блок сорок четыре.

Откуда мне знать, где эти блоки?

— Эй! — крикнул я в сторону потолка. — Вы что от меня хотите? Я буду требовать адвоката!

Никакой реакции. А буду ли я требовать адвоката? Адвокат… Да, может, я сам адвокат!

— Замечательно. Просто замечательно! Вы вообще в курсе, что вам будет за удержание людей в этом… хрен пойми где?!

Неожиданно надпись уменьшилась и переместилась куда-то на край поля зрения. Теперь она не мешала смотреть, но стоило мне попытаться сосредоточиться на ней, как снова становилась отчётливой.

Вот это уже интересно.

Получается, я могу как-то взаимодействовать с этой штукой?

Я попробовал мысленно приказать ей исчезнуть.

Не исчезла.

Потом произнёс вслух:

— Убрать!

Никакой реакции.

— Да пошла ты…

Надпись осталась на месте. Снова вгляделся в неё, сосредоточился — и вдруг текст сменился.

Задание принято.

— Как это я так?.. Эй! Я же… Да кому я это вообще говорю.

Ладно. С этим разберёмся потом. Для начала нужно найти

двенадцатый блок. Там попробую объяснить ситуацию.

Я осмотрел площадку.

Проходов было много. Некоторые широкие, другие совсем узкие. На противоположной стене виднелись большие ворота, через которые периодически проходили люди с контейнерами.

Ни указателей, ни табличек я не заметил.

Хотя стоп. Над одним из проходов что-то светилось.

Я подошёл ближе.

Цифра. Большая, белая, немного потёртая.

Восемь.

— Ага! Уже что-то!

Значит, блоки здесь пронумерованы.

Я заглянул в проход, и тут же меня сшиб какой-то бегущий мужичок.

— Куда прёте так?! Осторожнее!

— Свали, хрен!

Вот это наглость! Кричать вслед я не стал: резвый дядька уже скрылся за поворотом.

Ладно, что там у меня впереди?

Длинный коридор. Металлические стены. Трубы. Где-то вдали слышался скрежет.

Следующий проход оказался под номером девять.

Ещё дальше обнаружился одиннадцатый.

— Ну вот! Значит, двенадцатый где-то рядом!

Я слегка улыбнулся.

Наконец-то хоть что-то начало складываться.

Но радовался я рано.

После одиннадцатого шёл двадцать третий.

А потом вообще тридцать первый.

— Вы чё, сука, издеваетесь?!

Я остановился посреди площадки.

Какой идиот это проектировал? Хотя, может, номера не подряд. Может, это вообще разные здания или коридоры? И где я тогда нахожусь?

Я оглянулся.

Площадка позади уже не казалась такой большой, как поначалу. Скорее, я начал привыкать к её размерам.

Мимо прошли двое мужчин, тащивших длинную металлическую конструкцию.

— Мужики! — окликнул я их. — Где двенадцатый блок?

Один даже не повернулся.

Второй бросил:

— Не здесь.

— А где?

— Дальше!

— Куда дальше?!

Они ушли, больше ничего не сказав. При этом тот, что отвечал, продолжал смотреть на меня, не моргая, пока его лицо не скрылось за поворотом.

Я ещё какое-то время стоял на месте. Этот немигающий взгляд всё ещё был у меня перед глазами.

— Чёртовы психи, ей-богу.

Двенадцатый блок я нашёл далеко не сразу.

Пришлось пройти через два больших коридора, свернуть куда-то не туда, выйти к огромной лестнице и вернуться обратно.

По дороге я несколько раз спрашивал направление.

Один человек просто проигнорировал меня.

Другой попытался что-то объяснить, но так быстро и невнятно, что я ничего не понял.

Третий посоветовал смотреть на номера над проходами.

Спасибо, капитан Очевидность.

Снова вот это. «Капитан Очевидность». Откуда оно? Я ведь точно знаю, что это значит. Но откуда я знаю? Бред…

Бродя по коридорам, я замечал проплывающие мимо меня шары с камерами.

Логику их движения я пока не понимал, но она точно была. Один шар медленно проплыл вдоль коридора, остановился возле перекрёстка, повернулся и двинулся обратно.

Второй прошёл над площадкой по кругу.

Третий вообще не двигался, только иногда вращался на месте.

Камеры следят за людьми, это точно. Но и люди следят за камерами!

Некоторые при приближении камеры начинали двигаться быстрее. Другие, наоборот, останавливались и ждали, пока она пройдёт.

Самое неприятное заключалось в том, что я по-прежнему был практически голым.

Трусы, носки и перчатки.

Причём перчатки я так и не надел.

Одна висела за резинкой трусов, другая хранила мой загадочный пельмешек. Звучит, конечно, забавно. Но вы не о том думаете, я вас уверяю!

И вот в таком виде я разгуливал по огромному металлическому сооружению, разыскивая какой-то ящик.

Если это всё-таки телешоу, то рейтинг у него должен быть просто запредельный.

Наконец я увидел нужную цифру.

Двенадцать.

— Да! Нашёл!

Проход оказался широким, с низким потолком. Изнутри доносился грохот, словно кто-то постоянно ронял на металлический пол тяжёлые предметы.

Я заглянул внутрь.

Помещение было вытянутым, с множеством ниш вдоль стен. В некоторых лежали ящики, в других какие-то непонятные детали.

Посередине тянулись две широкие металлические ленты. Одна медленно двигалась, вторая стояла неподвижно.

Возле них работали люди.

Один мужчина доставал ящики из ниш в стене и ставил на движущуюся ленту.

Другой снимал их с противоположной стороны и раскладывал по нишам.

И всё это под непрерывный скрежет и грохот.

— Ну наконец-то нормальные люди!

Хотя нормальные ли?

Я подошёл к ближайшему работнику.

— Здравствуйте! Вы можете вызвать начальство? Со мной приключилась беда.

— А ну свали, урод! Не мешай работать!

— Вы не понимаете, я оказался здесь по...

— Ты оглох, дебил?! — Мужик замахнулся. Его рука прошла в сантиметре от моего носа и со звоном ударила по ленте конвейера.

— Так, это уже за гранью!

— Ну всё, утилёк, прячься!

— Стойте! Я тут первый день! Ничего не помню, получил какое-то задание… Я не знаю, где я!

— Новенький, что ли? Я думал, ты обдолбался… Какое задание?

— Мне ящик нужен. Пять тысяч шестьсот один.

Мужик хмыкнул и, отворачиваясь, махнул рукой.

— Там.

Он указал на противоположную стену, после чего вернулся к работе.

— Спасибо...

В стене было широкое прямоугольное отверстие. Над ним

светился небольшой зелёный огонёк.

Подойдя ближе, я заметил знакомый шар.

Только здесь он был совсем маленьким, размером с кулак, и почти полностью утоплен в потолке.

В одном из трёх отверстий мигнул синий свет.

Перед глазами возникла надпись.

Идентификация.

Затем:

Выдача объекта 5601.

Что-то загудело.

Из отверстия в стене медленно выдвинулся ящик.

На первый взгляд — обычный серый прямоугольный ящик. С плоской крышкой, металлическими уголками и небольшими углублениями по бокам.

Я наклонился.

На одной из сторон виднелись цифры.

5601.

— О! Ну хоть тут не обманули!

Попытался поднять.

Тяжёлый, зараза!

Не настолько тяжёлый, чтобы надорваться, но килограммов десять в нём точно было.

Я поставил его обратно.

Посмотрел на свои руки.

Перчатки.

Ага. Кажется, начинаю понимать, зачем они нужны.

Одну я натянул сразу. Вторую пришлось сначала освободить от пельмешка, который я осторожно спрятал под резинку трусов.

Место для хранения, конечно, «замечательное». Но карманов у меня не было.

Надел вторую перчатку.

Снова взялся за ящик.

Теперь гораздо удобнее.

Перед глазами появилась новая надпись.

Объект 5601 закреплён.

Назначение: блок 44.

— Ну что, поехали.

Я развернулся и направился к выходу.

Первые несколько минут всё шло прекрасно.

Я шёл по коридору с тяжёлым ящиком, почти голый, неизвестно где, неизвестно зачем.

Нужно отнести груз в сорок четвёртый блок. Может, там получится объясниться.

Правда, где находится сорок четвёртый блок, я понятия не имел.

Но это уже мелочи.

По дороге я несколько раз останавливался, перехватывая ящик поудобнее.

Руки постепенно уставали.

В одном из коридоров пришлось пропустить целую процессию людей, тащивших огромную металлическую кон-

струкцию. Она громыхала, раскачивалась, а один из работников постоянно орал на остальных, размахивая руками.

Я прижался к стене.

— Осторожнее! Раздавите ведь!

Никто не обратил внимания.

Когда процессия прошла, я двинулся дальше.

Постепенно стал замечать интересующие меня номера блоков.

Тридцать один.

Тридцать пять.

Тридцать восемь.

Значит, иду правильно!

Я даже немного ускорился.

И тут всё пошло наперекосяк.

Коридор впереди сужался. С одной стороны из стены торчали какие-то трубы, с другой находился тёмный проход.

Возле него стояли трое мужчин.

На вид все примерно одного возраста, хотя определить это было сложно. Грязные, заросшие, одетые кто во что горазд.

Один в серых штанах и без рубашки.

Второй в чём-то похожем на жилет.

Третий вообще щеголял в одних трусах, как я, только вместо перчаток на руках у него были намотаны грязные тряпки, а на ногах рваные ботинки.

Они о чём-то разговаривали.

При моём приближении разговор прекратился.

— Опа! — произнёс тот, что был в жилете. — Грузчик!

Я остановился.

— Чего надо?

— А чё это мы тебя тут раньше не видели?

— А я только прибыл.

Мужики переглянулись.

Один усмехнулся.

— Чего тащишь?

— Ящик.

Мне явно не нравился тон, с которым они ко мне обращались. По спине пробежал знакомый холодок. Не страх, точно не страх, но адреналин в крови точно был.

— Да мы видим, что не холодильник. Номер какой?

— Не ваше дело!

Улыбка мужчины стала шире.

— О! Боевой какой!

Он переглянулся с парнями, и все трое улыбнулись друг другу. Я уже точно знал, что они хотят отобрать ящик. Оказывается, такую гниль я насквозь вижу.

— Давай сюда. Это нам доставка.

Он протянул руки.

Я отступил на шаг.

— Не ваша!

— Ты чё, обурел?! — Стоявший сбоку придурок навис надо мной.

— Здесь нет ничего вашего, дайте пройти!

— Ты чё, свежатина, бессмертный? А хочешь утилём до канавы прокатиться?

Мужики засмеялись.

Я посмотрел на них.

Потом на ящик.

Потом снова на них.

— Нет, мужики, так не пойдёт. Вас трое, я один. Дайте пройти.

— Не сцы, малой! — Мужчина в жилете совершенно спокойно развёл руки и продолжил:

— Давай ящик.

Он сделал шаг вперёд.

Я отступил.

— Мужики, давайте без глупостей. Мне его нужно доставить. Я только сегодня здесь оказался, вас не знаю. Давайте мирно разойдёмся, и с моей стороны никаких претензий не будет.

— Ящик гони, задрал!

Тот, что был без рубашки, неожиданно подошёл сбоку и схватился за ящик.

— Эй!

Я попытался удержать груз.

Мужик резко дёрнул его на себя.

Второй тут же подхватил с другой стороны.

На мгновение мы все оказались в довольно нелепом положении, перетягивая тяжёлую железяку.

— Да вы охренели?! — крикнул я, ощущая закипающую злость.

Мужчина в жилете подошёл вплотную и больно ткнул меня пальцем в щёку. Чтобы отмахнуться, пришлось отпустить ящик. Я сделал два шага назад.

— Слушай сюда, свежий. Сейчас ты развернёшься и пойдёшь так далеко, как только сможешь. Это твой билет в долгую жизнь. А если ещё на глаза попадёшься — останешься калекой. Понял меня?

Он сказал это совершенно спокойно, даже обыденно, немного лениво.

Я посмотрел на его лицо.

Улыбки больше не было.

За его спиной третий мужик медленно разматывал тряпку с кулака, обнажая какой-то блестящий предмет.

Так. А вот это уже опасно.

Трое против одного. И как минимум один из них вооружён.

А я даже без штанов. Да и вообще непонятно, умею ли я драться.

Может, умею? А может, и нет. Проверить бы… но не сейчас.

— Ладно.

Мужики довольно переглянулись.

— Вот и молодец! Носки...

— Саймон, пошли, — сказал мужик, заматывавший бле-

стяшку обратно в тряпку. Он не дал Саймону договорить.

Саймон ещё пару секунд буравил меня взглядом, затем отвернулся и раздражённо бросил:

— Живи пока, везунчик.

Они подхватили груз и направились в боковой проход.

Я остался один. В трусах, носках и перчатках. А вот ящика больше нет.

Саймон. Я запомнил тебя, придурок!

Несколько секунд стоял, пытаясь осмыслить произошедшее.

Потом выругался.

— Да что ж за сучий день-то такой?!

Посмотрел на потолок. Там медленно двигалась камера.

Интересно, она всё видела?

Нет, кажется, когда эти уроды отбирали ящик, её здесь не было. Или была?

Я уже ни в чём не уверен.

— Эй! — обратился я к шару. — Вы видели?! У меня ящик отобрали! Трое каких-то придурков!

Камера продолжила движение.

— Да остановись ты!

Камера, даже не мигнув в мою сторону, скрылась за поворотом.

Я опустил руки.

Ну всё. Приехали.

И что теперь?

Можно пойти за ними, но что я сделаю против троих? Пока я не готов. Да, можно было бы врезать одному, но у них оружие, а я совершенно не понимаю ни своих, ни их навыков.

Нужно вернуться в двенадцатый блок. Объяснить ситуацию.

Обратную дорогу я нашёл гораздо быстрее. Это немного порадовало. Значит, новая информация усваивается нормально. А вот о своей жизни до пробуждения я по-прежнему не помню ничего.

Я подошёл к знакомому отверстию.

— Так. Меня только что ограбили! Вы можете что-то сделать?

Ничего. Я посмотрел в маленькую камеру.

— Ящик пять тысяч шестьсот один у меня украли. Выдайте новый ящик.

Перед глазами появилась надпись.

Объект 5601 закреплён за исполнителем.

Доставка не завершена.

— Ну да! Я об этом и говорю!

Я подождал. Никакой реакции.

— Ящик отобрали! Трое мужиков! В коридоре! Мне новый нужен!

Надпись исчезла.

Появилась другая.

Сообщение принято.

Объект 5601 утрачен.
Причина утраты не зафиксирована.
Назначен штраф.

Я замер.

— Какой ещё штраф?!

Перед глазами возникло следующее сообщение.

Штраф: Рацион сокращён.

Я перечитал его несколько раз.

Рацион? Еда?

— Так, подождите.

Это что получается? У меня украли ящик, а меня за это ещё и кормить не будут?!

— Вы там совсем охренели?

Я ударил ладонью по стене. Больно, но не сильно.

— Где ваше начальство?!

Мимо проходил работник с небольшим контейнером.

Он бросил на меня короткий взгляд.

— Первый день?

— Да!

— Привыкай.

— Да что тут вообще…?

Он молча пошёл дальше, предварительно плюнув прямо на стену.

Я посмотрел в глазок камеры.

— Ладно. Хорошо. Давайте по-другому. Ящик потерян. Я не виноват. Что мне теперь делать?

Тишина.

— Новый ящик дайте! Или выпустите меня! Цирк устроили! Зачем мне вообще носить ящик? Я здесь по ошибке!

Тишина.

— Хотя бы скажите, где сорок четвёртый блок!

Никакой реакции.

Я отошёл от стены. Постоял. Вернулся.

— Слушайте, ну это же бред какой-то!

Сбоку по-прежнему висели красные строки о провале задания.

Стоило мне сосредоточиться на них, как появлялись знакомые слова.

Объект 5601.

Блок 44.

Доставка не завершена.

— Да пошёл ты! Кто бы ни был по ту сторону камеры! Я выйду отсюда и засужу вас!

Разворачиваясь, заметил кое-что необычное.

У противоположной стены сидели двое мужчин.

Один держал в руке небольшой белый предмет.

Овальный. С характерным защипом сбоку.

Он поднёс его ко рту и целиком отправил внутрь.

Я остановился. Пельмешек?

Второй мужчина сделал то же самое. Некоторое время они молча жевали. Потом первый достал ещё один такой же предмет.

— Твою мать…

Так это и есть еда!

Я осторожно вытащил белый предмет из-под резинки трусов. Белая оболочка немного помялась, но в остальном предмет выглядел вполне нормально.

Овальный шарик. Защип сбоку.

Ну точно пельмешек!

Я повертел его в пальцах. Понюхал. Запаха практически не было. Попробовал слегка надавить. Оболочка подалась, но не порвалась.

Интересно, что внутри?

Я посмотрел на жующих мужчин. Они явно не испытывали никаких неприятных ощущений. Один даже довольно причмокнул. Значит, съедобное и потенциально вкусное.

Я уже собрался отправить находку в рот, но вдруг вспомнил попрошайку. Он ведь предлагал рассказать обо всём за порцию.

А вопросов у меня уже столько, что одним пельмешком, пожалуй, не отделаться.

Хотя попробовать стоит.

Я спрятал его обратно.

Ладно, мужик. Надеюсь, твоё слово ещё в силе. Я отправился искать своего вонючего знакомого.

На площадке около Пуповины его не оказалось.

Я обошёл место, где он сидел, заглянул за ближайший выступ.

Никого. Только грязная тряпка валялась возле стены.

Не та ли самая, в которую он был завёрнут?

Я даже наклонился посмотреть.

Нет, какая-то другая. Фу! Или та же? Да какая разница.

— Эй! Мужик! — позвал я.

Несколько проходивших мимо людей обернулись.

— Который худой такой! Жрать просил!

Кто-то засмеялся.

— Здесь таких половина! — бросил мужчина в грязном комбинезоне с другой стороны.

Я прошёл немного вдоль стены. Заглянул в один коридор. Пусто.

Заглянул в другой. Там кто-то тащил тяжёлую металлическую тележку с колышущейся серой массой, чем-то смахивающей на холодец.

Холодец… И снова лишь общее понятие, без конкретики.

Я вернулся на площадку. Ладно, не будем о плохом.

Попрошайка сам говорил, что давно здесь живёт. Значит, должен где-то поблизости находиться. Хотя «здесь» — это где конкретно?

Я двинулся вдоль стены, заглядывая в боковые проходы.

И почти сразу услышал знакомый голос.

— Свежий!

Я остановился.

— Сюда, придурок! Тихо только!

Голос доносился из узкого прохода между двумя массив-

ными конструкциями.

Я заглянул внутрь. В полумраке сидел мой знакомый попрошайка. Он прижимался спиной к стене и почему-то постоянно поглядывал вверх.

— Вот ты где!

— Тише, идиот!

Он резко замахал рукой.

Я подошёл и спросил:

— Ты чего прячешься?

— Потом! Тише ты!

— Ты вроде обещал объяснить, что здесь происходит.

— За порцию!

— За порцию! — повторил я с той же интонацией и достал пельмешек.

Глаза мужика мгновенно расширились, а язык беспокойно заметался по губам.

— О-о-о…

Он потянулся к моей руке.

Я убрал её за спину.

— Сначала поговорим.

— Давай сюда!

— Нет. Сначала объясни, что происходит. Потом получишь.

Попрошайка несколько секунд смотрел на меня.

Потом облизнул губы.

— Ладно. Чего знать хочешь?

— Для начала, где мы вообще находимся?

Он задумался.

— Здесь.

Я закрыл глаза.

Медленно вдохнул, затем так же медленно выдохнул.

— Спасибо. Очень полезно.

— А чего ты хотел?

— Нормального ответа!

— Нормального… — Мужик задумчиво почесал затылок. — Да Механизм его знает! Ну чего ты в самом деле такой?

— А кто такой этот Механизм?

Попрошайка посмотрел на меня с явным удивлением.

— Ты совсем дурак?

— Я только сегодня здесь оказался!

— Ну так Механизм — это… Мех!

Он развёл руками.

— Он задания даёт, кормит, лечит. Следит за всеми. Всё тут его.

— Кто он? Человек?

Мужик захихикал.

— Человек… Ха! Ну ты даёшь!

— Тогда кто?

— Да откуда мне знать? Я думаю, он потомок Бога или сам Бог.

Я уставился на него.

Он совершенно искренне не понимал моего вопроса.

Для него Механизм, похоже, был чем-то настолько привычным и при этом необъятным, что он даже не задумывался о его природе.

— Ладно. Хорошо. А где мы находимся? В каком городе? В какой стране?

— Ты точно дурак...

— Город! Страна! Название у этого места есть?

Мужик пожал плечами.

— Секция. Блок. Коридор. Вот твой город и твоя страна! Чего тебе ещё?

Я опустил голову.

Понятно. То есть вообще ничего не понятно.

— Ладно. Давай по-другому. Почему у меня ящик украли какие-то придурки, а штраф назначили мне?

Попрошайка оживился.

— Ящик?

— Да! Получил задание, взял ящик в двенадцатом блоке. Понёс в сорок четвёртый. Трое каких-то уродов отобрали его по дороге.

— Ха-ха-ха!

Мужик согнулся пополам.

— Свежий! Ну ты даёшь!

— Чего смешного?

— Да тебя раздели! Ха-ха! Только родился, а уже раздели!

— Я и так в трусах!

Это почему-то развеселило его ещё сильнее.

Я начал злиться.

— Слушай, если ты сейчас не заткнёшься, никакой порции не получишь!

Смех мгновенно прекратился.

Мужик посмотрел на мою руку.

— Ладно, ладно. Но только ты обещал, придурошный! Обманщиков здесь не любят!

Он снова покосился на потолок. И внезапно схватил меня за запястье.

— Сюда! Быстро!

— Да что тебе опять?!

Он дёрнул меня к стене. Я едва не потерял равновесие.

В этот момент над проходом раздалось тихое механическое жужжание. По направляющей медленно проплыл знакомый шар.

Я поднял голову. Один из его глазков мигнул синим прямо в мою сторону, и тут же перед глазами мелькнула знакомая надпись.

Идентификация.

Ещё одно мигание. Камера двинулась дальше. Через несколько секунд шар исчез за углом.

Мужик облегчённо выдохнул.

— Уф…

— Ты чего творишь?

— Жить хочу!

— А камера тут при чём?

Он посмотрел на меня.

Потом на пельмешек.

— Сначала дай.

— Сначала объясни!

— Да объясню я! Давай сюда!

Я поколебался, но протянул ему шарик.

Мужик выхватил его с неожиданной быстротой и тут же отправил в рот. Ноздри у него раздулись, когда он шумно втянул воздух.

Несколько секунд он, прикрыв глаза, старательно что-то пережёвывал. Щёки порозовели, а на глазах выступили слёзы.

По лицу расползлось выражение такого удовольствия, словно он только что съел целого жареного поросёнка.

— М-м-м…

Я смотрел на него с некоторым отвращением.

— Ну что, вкусно?

Он кивнул.

— А что это вообще?

Мужик открыл глаза.

— Сладкий нектар жизни. Амброзия!

— Да ты романтик... А внутри что?

Он пожал плечами.

— Еда, витамины. Одного такого шарика хватает, чтобы целые сутки работать.

— Целые сутки... а если два съесть?

— Всё, что выше нормы, идёт в рост. Мышцы растут, раны заживают. Химия там мощная.

Попрошайка облизал губы.

— Ты спрашивай, чего хотел. Я расскажу.

Я присел рядом.

— Давай с камер начнём. Почему ты от них прячешься?

Мужик посмотрел вверх.

— Потому что Мех меня ищет.

— За что?

— За работу.

— В смысле?

— Не работаю я.

— И что?

Он уставился на меня.

— Как это что? Мех задания даёт. Не выполняешь — штраф. Снова не выполняешь — брак.

Я вспомнил бородача в душе.

Он говорил что-то похожее.

Брак или утиль.

— И что значит брак?

— Ну… — Мужик почесал щёку. — Значит, не годишься.

— Куда не годишься?

— Работать! Ты давай соображай, тебе что, по два раза всё повторять надо?

— А если просто не хочешь работать?

— А Меху плевать, хочешь ты или нет!

Он скривился.

— Задание получил — делай, коль взялся. Не делаешь — штраф. Совсем перестал делать — брак. Тогда за тобой кого-нибудь пришлют.

— Кого?

— Да кого угодно. Другому работнику выдадут задание притащить тебя на осмотр. Но чтобы такое задание дали, он должен знать тебя лично — иначе ещё кого-нибудь не того притащит и от собственного задания зря оторвётся. Если камеры увидят, что ты меня заметил, тебе придёт запрос: знаешь ли ты меня? Ответишь «да» — и всё, сразу получишь задание.

Я задумался.

— И что там, ну, куда притаскивают?

— Решают, чего с тобой дальше делать.

— А именно?

Мужик замялся.

— Ну… Починить могут, если поломался. Всякое бывает: может, ты ногу сломал, а может, её вообще оторвало. Брак, как ни крути. Если на месте починить нельзя, могут и законсервировать.

— Законсервировать?

— Ага.

— Как огурцы?

Попрошайка захихикал.

— Ну почти! Брак консервируют либо для будущей по-

чинки, либо для чего-то другого. Но он, как правило, остаётся живым. С ним даже болтать можно. Общительные они.

— Да ты издеваешься!

— Да нет! Есть такие места, где брак держат. Живыми.

Он понизил голос.

— Пока запчасти не понадобятся.

Я медленно повернул к нему голову, оторвав взгляд от проплывавшей по коридору камеры.

— Что за запчасти?

— Руки. Ноги. Внутренности всякие. Глаза — очень востребованы!

Несколько секунд я молчал.

Потом посмотрел на него.

— Ты сейчас серьёзно?

— А чего?

— То есть людей пускают на органы? И все об этом знают?

— Ну да.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Опять это ощущение. Не страх, а что-то инстинктивное, злое.

— А почему брак хранят живыми?

— Так ведь... ну...

Он пожал плечами.

— Кормят немного, следят, чтоб не помер раньше времени. Пока чего-нибудь не понадобится. Из брака тоже можно в строй вернуться: если поступит утиль, брак могут восстановить с помощью его запчастей.

Я смотрел на него.

Он говорил об этом совершенно спокойно. Словно объяснял, как правильно хранить картошку.

— А утиль — это что? — спросил я наконец.

Попрошайка перестал улыбаться.

— Утиль хуже.

— Куда уж хуже?!

— Брак ещё могут починить. Или хотя бы хранить. А утиль сразу разбирают. Утиль — это всё. Тухляк гарантированный. Убился мозг — сразу утиль.

— Как разбирают?

— Ну вот так. Это просто куча дерьма и запчастей с очень небольшим сроком хранения.

Он показал руками, словно разламывал что-то пополам.

— Кому чего нужно, тому то и ставят. Остальное перерабатывают.

Я вспомнил женщину с палкой вместо ноги. И троих мужиков, тащивших четвёртого.

Интересно, куда они его волокли? Нет. Не хочу знать.

— Подожди. Это же убийство!

Попрошайка посмотрел на меня совершенно пустыми глазами.

— Убийство! Людей убивают!

Он хмыкнул:

— Ну да. Бывает.

Я открыл рот. Закрыл. И снова открыл.

— Да вы тут все с ума посходили?

— А чего ты хотел? — Мужик пожал плечами. — Меху нужны рабочие. Не работаешь — зачем ты нужен?

Я не нашёлся, что ответить.

Несколько секунд мы сидели молча.

— Какое-то рабство получается, нет?

Где-то за стеной раздавался равномерный металлический стук.

Тук. Тук. Тук.

Я посмотрел на потолок.

— И ты поэтому прячешься? Потому что тебя пометили как брак?

— Ага.

— Но ведь он знает, что ты не работаешь.

— Знает. Только ему меня найти надо, чтобы причину поломки установить. Вдруг меня починить можно или ещё чего.

Мужик ткнул пальцем вверх.

— Они по своим путям ходят. По времени. Я долго так живу, всё выучил.

Он немного подвинулся, выглянул из-за выступа.

— Вот эта, например, сейчас обратно пойдёт. Сначала вон там повернёт, потом сюда.

— И ты просто прячешься?

— А чего мне делать?

— Работать!

Мужик посмотрел на меня так, словно я предложил ему добровольно отрезать себе голову.

— Умный какой нашёлся! Сам и работай!

— Ну а что? Раз все работают.

— Не могу я работать!

— Почему?

Он некоторое время молчал. Потом отвернулся.

— Не могу, и всё.

Я хотел было продолжить, но передумал.

Ладно. Может, действительно не может.

Может, болен.

— И как ты определяешь, когда камера придёт?

— По времени. По звуку. По другим камерам.

Он показал куда-то в сторону площадки.

— Они по-разному ходят. Одни туда-сюда. Другие кругами. Третьи стоят, только башкой крутят. У каждой свой порядок.

— И все его знают?

— Кто давно живёт, тот знает. Кому надо знать, тот тоже знает.

— А если ошибёшься?

Мужик пожал плечами.

— Тогда найдут. И то не сразу. Сначала ближайшим трудягам запрос упадёт, потом задание. Пару раз такое было: они головами вертели, но так и не поняли, кого Мех ищет.

Я снова посмотрел на потолок. А мужик продолжал:

— Некоторые только под камерами и ходят, практически живут. Чтоб их постоянно видели. Советую тебе первое время под камерами пожить: изучишь маршруты, то-сё.

— В смысле?

— Ну вот ты ящик нёс. Тебя ограбили?

— Да.

— А камера видела?

Я задумался.

— Наверное, нет.

— Вот!

Он довольно ткнул пальцем мне в грудь.

— А видела бы — может, и не тронули! А если б тронули, Мех бы их сразу браком пометил. Хотя, может, они уже того, меченые.

— Грабители специально выбирают места без камер, — догадался я.

— А ты думал!

Я помолчал. Получается, камеры здесь одновременно и защита, и опасность.

Для тех, кто выполняет задания, они полезны.

А для тех, кто не выполняет…

— Значит, одни стараются быть на виду, а другие прячутся?

— Ну!

Попрошайка довольно закивал.

— Только камеры не всё видят. Есть места, где вообще

глаз нет. Есть такие, где по времени пройти можно. Главное, не торопиться и не тормозить.

Он посмотрел на меня.

— Ты, свежий, пока лучше по открытым ходи.

— Ага… — задумчиво пробормотал я скорее для себя, чем в ответ попрошайке. А он тем временем продолжал:

— Тебе прятаться не надо, ты чист. А вот эти уроды, что ящик отобрали, там и сидят наверняка. Где глаз нет. Сами не работают, уверен на сто процентов!

Я вспомнил троицу в узком коридоре.

Вот ведь сволочи. Ничего, я им обязательно этот эпизод припомню.

— И что теперь с моим ящиком будет?

— А чего с ним?

— Он же на мне числится!

— Ну и числится.

— А задание как выполнить?

Попрошайка развёл руками.

— Не знаю. Украли — значит, украли.

— То есть всё?

— Ну почему всё? Штраф получишь.

— Уже получил!

Мужик неожиданно развеселился.

— Ха-ха! Ну вот! Значит, всё правильно!

Я посмотрел на него.

Потом на собственные руки.

Потом снова на него.

— Знаешь, мужик, мне кажется, ты здесь единственный нормальный человек.

Он удивлённо поднял брови.

— Правда?

— Нет! Шутка такая! Смешная?

Попрошайка скуксился.

— Не особо смешная. Некоторые здесь и плюсы находят. Приспосабливаются, живут потихоньку.

Я вздохнул.

В голове постепенно начинала складываться какая-то картина. Очень неприятная картина.

Я посмотрел на попрошайку.

— Слушай, а тебя как зовут?

Он замер. И, кажется, даже опешил.

Несколько секунд смотрел на меня.

Потом медленно усмехнулся.

— А тебе зачем?

— Ну… Как-то же надо к тебе обращаться.

Мужик задумался.

И вдруг тихо рассмеялся.

— Ты лучше за потолком следи, свеженький.

— Причём тут потолок?

Он резко поднял палец.

— Тихо!

Я замолчал.

Где-то вдали послышалось знакомое жужжание.

Попрошайка пригнулся и жестом приказал мне сделать то же самое.

Я подчинился, хотя понимал, что мне-то прятаться совсем ни к чему.

Над проходом медленно проплыл шар.

Один из глазков мигнул синим.

Идентификация.

Потом ещё раз.

Камера остановилась и уставилась на меня.

Попрошайка сидел совершенно неподвижно, но камера его не видела за выступом. Она точно разглядывала именно меня.

Несколько секунд тянулись невероятно долго.

Наконец шар мигнул, повернулся и двинулся дальше.

Мужик шумно выдохнул.

— Уф… Пронесло.

Я посмотрел на него.

Потом на удаляющуюся камеру.

— Не надо тебе имени моего знать. Если Мех разведает, что ты знаком с браком по имени такому-то, то выдаст тебе задание на мою доставку. Так что давай без имени.

Глава 3

— Погоди, погоди! — Я выставил перед собой руки.

— То есть если ты скажешь мне своё имя, эта штука может заставить меня тебя ловить?

Попрошайка кивнул.

— Может.

— А если я откажусь?

— Штраф.

— Опять штраф?

— Ага.

Я перевёл взгляд с него на потолок.

Да что ж здесь всё на штрафах завязано?

— Слушай, а как мне от своего избавиться?

Мужик молчал.

— Ну, штраф за ящик. Его можно как-нибудь отменить? Может, ещё одно задание взять?

Попрошайка почесал живот.

— Порцию я съел.

— И?

— Всё.

— Что всё?

— Договорились за порцию. Я рассказал.

Несколько секунд я пытался понять по его лицу, шутит он или нет.

— Ты серьёзно?

— Ага.

— Я тебе только что шарик дал!

— Ну и чего? Я тебе много чего рассказал!

— Да ты половину вопросов вообще не понял!

Мужик пожал плечами.

— Значит, плохо спрашивал.

Я уже открыл рот, собираясь высказать всё, что думаю о нём, его родственниках и, пожалуй, всех предыдущих поколениях, но передумал.

Ладно.

Если подумать, всё справедливо. Договор действительно был на одну порцию. Я её отдал, он что-то рассказал.

— Ладно, — произнёс я. — Спасибо за помощь.

Попрошайка молчал.

Я поднялся.

— Ну, бывай.

— Ага.

Отойдя на несколько шагов, я остановился.

— Слушай, последний вопрос!

Мужик тяжело вздохнул.

— За порцию!

— Да пошёл ты!

Я развернулся и ушёл, сопровождаемый его довольным хихиканьем.

Вот ведь сволочь. Хотя, если честно, мужик мне даже

немного понравился. По крайней мере, пока.

Первым делом я решил разобраться со штрафом.

Перед глазами по-прежнему висели красные строки с напоминанием о невыполненном задании.

Я сосредоточился на них.

Задание: Доставка груза.

Объект: Ящик 5601.

Доставка: Блок 44.

Статус: Не выполнено.

Штраф: Рацион сокращён.

— Ну да.

Попробовал сосредоточиться на последней строке.

Ничего.

На словах «**Не выполнено**».

Тоже ничего.

А если попробовать отменить?

— Отмена задания!

Тишина.

— Отказаться!

Никакой реакции.

— Да что ж ты такая деревянная-то?!

Я даже попытался представить, как нажимаю на невидимую кнопку. Вообразил палец, тыкающий прямо в надпись.

Результат нулевой.

В прошлый раз задание каким-то образом само приняло, а теперь ничего не выходило.

Может, потому что оно уже принято?

Тогда нужно новое.

Я поднял голову. В нескольких метрах медленно проплывал очередной шар.

— Эй! Мне новое задание нужно!

Шар проплыл мимо.

— Слышишь? Новое задание!

Он даже не повернулся.

— Да иди ты!

Других способов связаться с местным начальством я пока не нашёл. Поэтому решил вернуться в двенадцатый блок.

Вдруг там выдадут ещё один ящик?

В знакомом помещении ничего не изменилось.

Те же металлические ленты, ниши и нескончаемый грохот. Такое чувство, что люди здесь вообще не прекращают работать.

Хотя откуда мне знать, сколько времени прошло? Час? Два? Может, уже целый день? Часов нигде нет. Солнца тоже. Я направился к знакомому отверстию в стене.

— Здравствуйте ещё раз!

Никто не ответил.

— Мне бы новый ящик.

Тишина.

— Любой. Я доставлю.

Знакомая надпись возникла перед глазами.

Объект 5601 закреплён за исполнителем.

Доставка не завершена.

— Да знаю я!

Помолчал.

— А ещё один можно?

Ничего.

— Дополнительное задание?

Тишина.

— Бесплатно поработаю!

В ответ — ничего. Я даже засмеялся.

— Ну, охренеть. Нашёл место, где даже бесплатно работать не разрешают!

— Ты чего орёшь?

Я обернулся.

За спиной стоял худощавый парень примерно моего возраста.

А мне самому сколько лет? По ощущениям, тридцать. Шаблонный возраст какой-то.

На человеке были явно великоватые серые штаны, а с плеч свисала грязная ткань, напоминающая полотенце.

На лбу красовалась здоровенная ссадина.

— Пытаюсь работу получить.

Парень перевёл взгляд с отверстия на меня.

— Первый день?

Я вздохнул.

— Если ещё кто-нибудь спросит, первый ли у меня день, я...

Он усмехнулся.

— Значит, первый.

— Да!

— Штраф?

Я замер.

— Откуда знаешь?

Парень указал пальцем куда-то мне в лицо.

— По роже видно.

— Очень смешно.

— Да ладно, не злись. У меня тоже.

Он постучал себя по виску.

— Вон, висит.

Я уставился на его голову. Никаких надписей, разумеется, не увидел.

— За что?

— Ведро с густотой не туда отнёс.

— В смысле?

— В прямом. В двадцать девятый надо было, а я в двадцать восьмой притащил.

— И?

— И всё. Я ведро сдал, его конвейер утащил, а мне штраф выписали. Ведро, разумеется, никто не вернул.

— А у меня ящик отобрали какие-то отморозки.

— Бывает.

Я прикрыл глаза. Ну вот опять.

Бывает.

Привыкай.

Такое ощущение, что местные выучили три слова и теперь вставляют их в любой разговор.

— Как штраф убрать?

Парень усмехнулся.

— Никак.

— Вообще?

— Ну, сам пройдёт.

— Как это сам?

— Цикл закончится, и всё.

Я уставился на парня.

— Какой цикл?

— Производственный.

— А попроще можно?

Парень задумался.

— Ну… сутки.

Несколько секунд мы молчали.

Потом он продолжил:

— Короче, у свежих одно задание за цикл. Выполнил — получил порцию. Не выполнил — штраф, порции нет. На следующем цикле штраф снимается и новое задание дают. Ты потом в статистике увидишь.

Я задумался.

— То есть завтра мне снова выдадут ящик?

— Не обязательно ящик. Что угодно могут дать.

— А старое задание?

— Закроется как проваленное.

— И всё?

— Ну да.

— А еда?

Парень посмотрел на меня с некоторым сочувствием.

— Если задание провалил, ничего.

Я помолчал.

— Вообще ничего?

— Ага.

Раздражение снова начало закипать.

— Это получается, я должен целые сутки голодать из-за каких-то трёх уродов?!

Парень дёрнул плечами.

— Да ладно тебе, от одного дня никто ещё не умирал.

— А если ещё раз ящик отберут?

— Ещё сутки голодать будешь.

Я медленно выдохнул.

Прекрасно. Просто замечательно.

— И что, все здесь так живут?

— Ну… не все. Кто давно работает, тем могут больше заданий давать. И порций больше.

— А мне нельзя?

— Свежим нельзя.

— Почему?

— Да откуда мне знать?

Получается, Механизм выдаёт задания: выполнил — на-

кормят, провалил — останешься без еды. А сам выбрать работу не можешь, даже если очень хочешь.

Ну кто так вообще делает? Это же рабство.

— Слушай, — обратился я к парню. — А ты давно здесь?

— Сороковой цикл.

Повисла очередная пауза.

— Ладно, — сказал я. — Значит, нужно ждать следующего цикла?

— Ну.

За разговором я и не заметил, как начал зевать.

— А где здесь поспать можно?

Парень удивлённо посмотрел на меня.

— Где хочешь.

— В смысле?

— В прямом.

— А кровати?

Он засмеялся.

— Какие кровати?

— Обычные! Для сна!

— Нет тут кроватей.

— А где люди спят?

Парень указал рукой в сторону выхода.

— Да где придётся. На тряпках, на полу. У труб тёплых. Кто место хорошее нашёл, там и лежит.

Я попытался представить, как тридцать или сорок человек спят вповалку на металлическом полу.

Нет, наверное, даже больше.

Сколько их здесь вообще?

— А помещения специальные? Спальни?

— Чего?

— Ну… комнаты для отдыха.

— Нет таких. Во всяком случае, не для нас.

Я вздохнул.

— А как же отдыхать?

Парень посмотрел на меня, потом пожал плечами.

— Меху плевать.

Я невесело усмехнулся. Суровая производственная система. Может, этот Механизм вообще не понимает, что человеку нужен сон?

А может, просто не считает нужным создавать нормальные условия.

— А ты где спишь?

Парень задумался.

— Пойдём. Только места там мало.

— Да мне много не надо. Ты вообще чего тут делал, раз у тебя штраф, новое задание не дадут ведь.

— Мимо шёл, а тут ты стоишь орёшь, вот я и решил, вдруг помощь какая нужна. Не зря, выходит подошёл.

Его взгляд опустился на мои трусы.

— Вон ты уже и оделся ко сну как раз.

И засмеялся.

Я закатил глаза.

— Очень смешно.

Место оказалось действительно неплохим.

Если, конечно, узкий участок металлического пола между стеной и толстой трубой, уходящей под потолок, можно назвать неплохим местом.

Труба была тёплой. Даже горячей. Воздух рядом с ней заметно прогревался.

После нескольких часов в холодных коридорах это казалось настоящим подарком.

— Вот, — сказал парень. — Здесь можно.

Я осмотрелся.

Возле трубы уже устроились несколько человек. Один свернулся клубком на куче грязных тряпок. Другой, прислонившись к стене, кажется, спал прямо сидя. Третий лежал на боку, подложив под голову собственную руку.

Мимо ходили люди с контейнерами, вёдрами, трубами, кто-то громко разговаривал, а неподалёку без конца что-то стучало.

— А потише места нет?

Парень только взглянул на меня.

— Привыкай.

Отвечать я не стал, кажется у меня уже аллергия на эти «привыкай». Парень подошёл к свободному участку возле стены.

— Вот здесь ложись. Только к самой трубе не прижимайся. Обожжёшься.

Я осторожно потрогал металл.

Горячий, зараза.

— А ты?

— Я дальше пойду. У меня ещё дела есть.

— Ладно.

Впервые с момента пробуждения кто-то здесь помог мне, не потребовав взамен порцию.

— Спасибо, — выдохнул я.

Парень кивнул.

— Ага. Только если кто выгонять будет, не спорь.

— Почему?

— Место занятое может быть.

— А как понять, что оно занятое?

— Ну… выгонять начнут, значит, занятое.

Я на секунду прикрыл глаза.

Местная логика продолжала поражать.

— Ладно. Спасибо ещё раз.

Парень махнул рукой и ушёл.

Я остался один.

Вернее, не совсем один.

Рядом храпел какой-то мужик, а чуть дальше женщина что-то бормотала во сне.

Я оглядел свободный участок пола, трубу, свои носки и руки, после чего медленно опустился на пол.

Пол оказался твёрдым. Очень твёрдым. Я лёг на бок. Неудобно.

На спину. Холодно.

Снова на бок.

Подложил руку под голову.

Через минуту рука начала затекать.

— Да твою мать…

Я свернул одну из перчаток и подложил под щёку.

Толку почти никакого.

Ну хоть не так холодно.

Я повернулся лицом к трубе.

Тепло.

Даже приятно.

Правда, через несколько секунд стало слишком жарко. Пришлось отодвинуться.

Я покосился на спящих рядом.

Как они вообще умудряются здесь спать?

Может, привыкли? Наверняка привыкли.

Человек ведь ко всему привыкает.

Интересно, сколько времени нужно, чтобы привыкнуть спать на железном полу практически голым? Неделю? Месяц? Год?

От последней мысли стало не по себе.

Я не собирался проводить здесь год. Даже неделю не собирался. Мне вообще выбраться отсюда надо. Правда, для начала неплохо бы выяснить, где это самое «отсюда» находится.

Я закрыл глаза. Как хоть парня зовут? Чёрт, чего не спро-

сил-то… Ладно.

Попытался представить что-нибудь знакомое.

Дом. Кровать. Подушку. Одеяло.

Образы возникали легко.

Я отлично знал, как выглядят все эти вещи.

Но где именно я спал раньше?

Какая у меня была кровать?

Какого цвета одеяло?

Ничего.

Пустота.

Я даже не мог вспомнить собственное лицо.

Хотя своего лица я с момента пробуждения так ни разу и не видел. Зеркало что ли поискать.

Может, у меня борода?

Я ощупал подбородок.

Нет. Небольшая щетина.

Значит, бреюсь. Или брился. А может, меня побрили перед тем, как сюда засунуть?

Интересно всё-таки, сколько мне лет? Тридцать? Сорок?

Вроде тело не старое. Суставы не скрипят, спина не болит. Хотя после сегодняшнего путешествия с ящиком это скоро изменится.

Я опять попытался устроиться поудобнее.

Где-то над головой загудело.

Труба слегка завибрировала.

— Ну прекрасно…

Я прикрыл голову рукой.

Не помогло.

Гудение постепенно стихло.

Зато за стеной раздался металлический удар.

Потом ещё один.

А затем кто-то рядом громко захрапел.

Пришлось открыть глаза.

— Терпение… я же взрослый разумный человек.

Опять зажмурился.

Вспомнил ящик. Трёх уродов. Штраф.

Пельмешек, который отдал попрошайке.

Вот ведь идиот. Нужно было хотя бы половину оставить себе.

Живот тихо заурчал.

Ага. Началось.

С другой стороны, голод был каким-то странным. Есть хотелось, но не настолько сильно, как я ожидал после целого дня без еды.

Может, витамины, которые вколол бородач, ещё действуют? Вполне возможно.

Он ведь говорил, что я теперь могу некоторое время обходиться без еды.

Или это попрошайка говорил?

Чёрт. Уже путаюсь.

Всё.

Хватит думать. Нужно поспать.

Завтра будет новый день.

И новое задание. И, если повезёт, еда.

Закрыл глаза.

Проснулся я оттого, что кто-то наступил мне на ногу.

— Ай! Твою мать!

Я резко сел.

Мимо проходил здоровенный мужик с контейнером в руках.

Он даже не остановился.

— Ты мне на ногу наступил!

Никакой реакции.

— Да чтоб тебе…

Я огляделся.

Те же трубы, стены, люди. Хотя нет, вонючей тётки сбоку раньше точно не было.

Свет совершенно не изменился.

Как будто я и не спал вовсе.

Хотя телу стало немного легче.

Сколько я спал? Сутки уже сменились?

Рука, на которой я лежал, так затекла, что первые несколько секунд почти не слушалась.

Пришлось осторожно размять пальцы.

Попробовал подняться. Спина хрустнула. Ноги затекли. Шея болела.

И это после одного сна!

Нет, так долго не протянешь.

Я оглядел трубу и людей вокруг. Некоторые всё ещё спали.

Другие уже собирались уходить, копошась в вещах.

Один мужик сидел прямо на полу, жевал что-то белое и время от времени запивал жидкостью из бутылки.

Бутылка...

Тут я понял, что ужасно хочу пить. В довершение стоило лишь подумать о воде, как тут же проснулся и голод.

Снова заурчало в животе.

Пельмешек. Я с трудом сглотнул — во рту пересохло.

Есть захотелось гораздо сильнее.

И тут перед глазами возникла надпись.

Статистика.

Я замер.

— Чего?

Надпись исчезла.

Вместо неё перед глазами появилось небольшое полупрозрачное окно.

Статистика.

Выполнено заданий за цикл: 0

Активные штрафы за цикл: 0

Получено рационов за цикл: 0

Получено уколов за цикл: 0

Я перечитал строки ещё раз.

— О!

Штрафов ноль!

Невольно улыбнулся.

— Ну наконец-то!

Значит, тот парень не соврал. Останется выяснить, как тут сменяются сутки. Может у каждого они индивидуальные, и обнуляются после каждого сна. Выяснить, всё нужно выяснить.

Старое задание тоже исчезло.

Интересно, можно ли как-то оспорить результат задания, если камера не видела, но были свидетели?

Я попробовал закрыть окно. Представил, как оно исчезает, — и оно пропало.

— Опа!

Попробовал снова мысленно вызвать статистику.

Окно появилось. Я не удержался от смеха.

— Ха! Получилось!

Несколько раз открыл и закрыл его. Работает!

Значит, всё-таки можно управлять этой штукой мысленно.

Только как именно?

В прошлый раз я пытался делать то же самое, но ничего не выходило.

Может, нужно сначала какое-то время привыкать?

Или сам интерфейс постепенно открывает новые возможности?

Перед глазами возникла новая надпись.

Новое задание: Доставка груза.

Я вздохнул.

— Ну конечно.

Получение: Блок 12.

Объект: Ящик 5602.

Доставка: Блок 1.

Выполнение: Да, Нет.

Я внимательно изучил строки.

Так.

Двенадцатый блок уже знаю.

Первый блок пока нет.

Ящик другой.

И главное — на этот раз нужно правильно и самостоятельно принять задание.

Я сосредоточился на слове «Да».

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом надпись изменилась.

Задание принято.

— Отлично!

Почувствовал настоящее удовлетворение.

Получилось!

Не случайно, как в прошлый раз, а вполне осознанно.

Значит, разобрался.

Ну что, товарищ Механизм, попробуем ещё раз?

Только на этот раз без гопников, пожалуйста.

Дорогу до двенадцатого блока я уже помнил.

Почти. Один раз всё-таки свернул не туда, но быстро со-

образил, где ошибся.

По дороге я стал внимательнее следить за камерами.

Попрошайка ведь говорил, что некоторые люди специально стараются находиться под наблюдением.

После вчерашнего приключения с ящиком я прекрасно понимал почему.

Местные грабители выбирают участки, где камеры ничего не видят. Значит, под наблюдением риск нарваться на таких уродов должен быть меньше.

Логично? Вполне.

Оставалось только понять, как именно они двигаются.

В одном из коридоров я остановился и проследил за шаром.

Тот медленно проплыл над головой, приблизился к перекрёстку, остановился, повернулся и двинулся обратно.

Я проводил его взглядом.

Интересно.

Потом подошёл к перекрёстку. Постоял.

Камера вернулась.

Для верности я даже помахал ей рукой.

— Привет, начальство! Вы у меня ещё попляшете! В суде!

Она проигнорировала приветствие.

Зато в одном из отверстий на мгновение мигнул синий огонёк.

Идентификация.

Ну и прекрасно.

Пусть видит. Мне скрывать нечего.

Я двинулся дальше.

В двенадцатом блоке всё было по-прежнему: грохот, металлические ленты, люди с ящиками.

Я направился к знакомому отверстию.

Идентификация.

Выдача объекта 5602.

— Ну давай, родной.

Из стены медленно выдвинулся ящик.

Я наклонился, осмотрел ящик, перевёл взгляд на отверстие и снова на ящик.

— Да вы…

Этот ящик был заметно больше и шире предыдущего. Здоровенный серый металлический прямоугольник с массивными углами.

На одной из сторон красовались цифры **5602**.

Я взялся за углубления по бокам.

Попытался поднять.

Не получилось.

— Ох ты ж…

Я перехватил ящик поудобнее и снова потянул вверх.

На этот раз он оторвался от поверхности на несколько сантиметров.

Спина тут же неприятно напряглась.

Пришлось осторожно поставить его обратно.

— Сколько же ты весишь?! Килограммов двадцать?

Может, даже больше.

Сколько именно, понятия не имею, но по сравнению со вчерашним этот казался просто неподъёмным.

И это мне нужно тащить через половину этого железного дурдома?

Я посмотрел на потолок.

— А тележку выдать нельзя?!

Никакой реакции.

— Ну хотя бы колёсики прикрутите!

Тишина.

Я вздохнул. Ладно. Попробуем.

Натянул перчатки, проверил, хорошо ли сидят.

Присел, ухватился за ящик и поднял его, стараясь работать ногами, а не спиной.

Получилось.

Тяжело, зараза. Очень тяжело.

Но держать можно.

Перед глазами возникла надпись.

Объект 5602 закреплён.

Назначение: Блок 1.

— Ну что, поехали.

Сделал несколько шагов, остановился, перехватил ящик и снова пошёл.

Да уж.

Весёлый денёк намечается.

До первого перекрёстка я добрался без приключений.

Вот только я начал отставать: камера, за которой я собирался идти, двигалась значительно быстрее меня.

Пришлось прибавить шагу. Не бежать, конечно, но я уже пыхтел и тяжело дышал, стараясь не отстать.

Шар замедлился.

Пользуясь моментом, я приблизился.

Шар медленно поплыл вдоль коридора. Я двинулся следом.

Первые двадцать метров всё шло нормально.

Потом руки начали сдавать.

Я перехватил ящик, потеряв несколько секунд. Камера тут же отдалилась.

— Эй! Подожди!

Разумеется, она не подождала.

Пришлось снова прибавить шагу. Ящик давил на пальцы даже через перчатки.

Плечи начали ныть.

А камера всё удалялась.

— Да стой ты, зараза!

Я почти побежал.

Ну как побежал…

Скорее засеменил, стараясь не уронить груз. На одной ноге носок начал сбиваться в кучу.

Да и чёрт с ним, с носком. Останавливаться нельзя.

Со стороны это, наверное, выглядело очень смешно.

Мужик в трусах и перчатках, с огромным ящиком в руках,

гонится за шаром под потолком.

Это точно самое рейтинговое шоу.

Камера приблизилась к перекрёстку.

Остановилась. Повернулась.

И поехала обратно. Прямо мне навстречу.

— Да твою мать! Эй!

Я остановился. Шар проплыл над головой, мигнул синим огоньком. Я развернулся.

Теперь что, обратно за ним идти?!

Нет. Так дело не пойдёт.

Я поставил ящик на пол и выпрямился. Спина неприятно хрустнула.

Нужно подумать.

Попрошайка говорил, что камеры двигаются по расписанию. Значит, маршруты у них повторяются.

И некоторые люди ходят за ними, чтобы оставаться на виду.

Но если камера движется туда-сюда, постоянно следовать за одной не получится.

Нужно переходить от одной к другой.

Или просто ждать, пока следующая пойдёт в нужную сторону.

Я взглянул на перекрёсток. С другой стороны к нему медленно приближался ещё один шар.

Вот! Это уже интереснее.

Я поднял ящик, дождался, пока камера подойдёт ближе,

и двинулся следом.

На этот раз получилось лучше.

Но ненадолго.

К следующему большому коридору руки уже дрожали. Ящик будто набрал лишних килограммов, да и ноги постепенно сдавали.

Я остановился у стены, осторожно опустил ящик и прислонился к металлу ноющей спиной.

— Уф…

Камера медленно проплыла дальше.

Проводил её взглядом.

Ну и чёрт с тобой.

Передохну немного.

Размял пальцы, затем плечи и глубоко вдохнул.

И тут заметил движение в боковом проходе.

В темноте кто-то стоял. Человек. По крайней мере, силуэт был человеческий.

Он не шевелился, только смотрел в мою сторону.

Я напрягся.

Вчерашние уроды?

Нет, вроде не похож.

Хотя как разглядишь в таком освещении?

Я осторожно взялся за ящик.

Силуэт шевельнулся.

Из прохода вышел мужчина.

Невысокий, коренастый, в грязных серых штанах.

Он посмотрел на меня. Потом на ящик. И улыбнулся.

— Тяжёлый?

Внутри неприятно сжалось. Если полезет, дам в морду. Точно дам. Он один, и я один. Терять мне, кроме трусов, нечего. А ящик я не отдам!

— Нормальный.

— Помочь?

— Не надо.

— Да ладно. Я донесу.

— Спасибо, сам справлюсь.

Мужик сделал шаг ближе.

Я покосился на потолок. Камеры не было.

Чёрт. Вот ведь невезение!

— Мне идти надо.

Мужчина усмехнулся.

— Ну иди.

Я двинулся вперёд.

Старался не прибавлять шаг слишком заметно, чтобы не выдать, насколько нервничаю.

Позади послышались шаги.

Я обернулся. Мужик шёл следом.

— Слушай, — произнёс он. — А куда несёшь?

— Отвали!

— А ты чего борзый такой, зелёный?

Я ускорился.

Шаги позади тоже участились.

Вот же зараза!

Впереди показался перекрёсток.

А над ним… Шар! Из-за спины послышался недовольный тихий голос:

— Ну давай, зелёный! Топай. Только не забудь, что тебе ещё обратно идти! Я подожду здесь!

Мужчина позади что-то ещё произнёс, но я уже не слушал.

Схема работает. Значит, под камерами безопасно.

Глядя на камеру, я прибавил шагу, насколько позволял ящик.

Шар приблизился, мигнул синим. Я прошёл прямо под ним.

Я оглянулся. Мужик остановился возле бокового прохода.

Мы несколько секунд смотрели друг на друга.

Потом он развернулся и ушёл.

Я облегчённо выдохнул.

— Вот так-то!

И тут же понял, что камера продолжает движение.

— Эй! Не так быстро!

Пришлось снова ускоряться.

Первый блок оказался куда дальше, чем я рассчитывал.

По пути я ещё несколько раз останавливался.

Один раз едва не выронил ящик.

Другой раз чуть не столкнулся с человеком, который тащил огромную металлическую трубу.

Зато постепенно начал разбираться в местных коридорах. Не во всём, конечно, но кое-что уже понимал.

Например, большие цифры над проходами обозначали блоки, а некоторые маленькие метки на стенах, похоже, указывали направления.

Правда, почему одни номера шли подряд, а другие — как попало, я так и не понял.

В какой-то момент мне даже показалось, что я хожу кругами.

Но потом увидел единицу. Большую. Белую.

Прямо над широким проходом.

— Да-а-а!

Я чуть не подпрыгнул.

Последние метров двадцать дались особенно тяжело.

Пальцы почти перестали чувствовать углубления по бокам ящика.

Спина ныла, ноги дрожали, но я шёл дальше. Не хватало ещё уронить эту железяку прямо перед местом доставки.

Наконец я вошёл в первый блок.

Помещение оказалось сравнительно небольшим.

После огромных площадок и длинных коридоров оно казалось почти уютным.

Вдоль стен стояли металлические стеллажи с ящиками разных размеров.

Посередине стоял широкий стол. За ним сидел мужчина в сером комбинезоне.

Увидев меня, он поднял голову.

— Чего надо?

— Не видишь, что ли? Ящик принёс.

— Номер?

— Пять тысяч шестьсот два.

Мужчина бросил взгляд куда-то в сторону и кивнул.

— Сюда ставь.

Я подошёл к столу и осторожно опустил ящик. Тот глухо стукнулся о металлическую поверхность.

Я выпрямился.

— У… — выдохнул я.

Мужчина осмотрел ящик, провёл пальцами по крышке, проверил цифры и лишь потом взглянул на меня.

— Целый?

— Да вроде.

— Вроде?

— Ну… я его не ронял!

Мужчина хмыкнул.

Открыл крышку.

Я вытянул шею, пытаясь заглянуть внутрь, но мужчина тут же заслонил обзор.

Он что-то осмотрел, потрогал и закрыл крышку.

— Нормально.

Я облегчённо выдохнул.

— Ну вот!

Мужчина вопросительно посмотрел на меня:

— Всё? Больше ничего не пронёс?
— Всё.
Он отвернулся.
Я остался стоять. Секунду. Другую. Третью.
— Эй!
Мужчина поднял голову.
— Чего ещё?
— А задание?
— Что задание?
— Выполнено?
— Ну да.
— А подтвердить?
— Подтвердил уже!
И в этот момент перед глазами появилась надпись.
Задание выполнено.
Объект 5602 доставлен.
Начислен рацион: 1.
Я замер. Потом медленно расплылся в улыбке.
— Да-а-а!
Мужчина вздрогнул.
— Ты чего орёшь, болезный?
— Получилось!
— Первый день?
— Да!
Или нет? Вообще-то у меня, как я понял, второй цикл...
Закончить мысль я не успел. Мужик вернул меня к реаль-

ности:

— Вали давай! Не создавай очередь!

После переноски ящика руки дрожали так, что я едва сумел вытереть пот со лба. Хотя скорее просто размазал его по лицу.

Я поднял взгляд к потолку. Камеры здесь не было. Вообще ничего, кроме двух отверстий. Из одного сыпались какие-то брикеты с плёнкой. Мужик брал плёнку, оборачивал ею железяки и бросал их во второе отверстие.

Интересно.

Выходит, Механизм не за каждым действием следит сам. Этот мужик как-то мысленно подтвердил мою доставку.

И почему-то Механизм ему доверяет.

Может, здесь есть особо надёжные работники, которым можно поручить приёмку? Или у него просто такое задание?

Но сейчас меня интересовало другое. Я задал вопрос вслух:

— А где еду получать?

Мужчина даже не повернулся, но буркнул:

— За дверью.

— Какой?

— А сколько дверей ты тут видишь?

Он раздражённо указал на небольшой проход сбоку.

Я поспешил к проходу.

Пора прекращать тупить.

За боковой дверью находилось маленькое помещение. Да-

же не помещение — полость в стене, отгороженная шторкой. За ней, прямо в стене, виднелся единственный глаз камеры.

Под ним отверстие с зелёным огоньком. Как раз такое, чтобы просунуть руку.

Идентификация.

Затем:

Выдача рациона.

Из отверстия выдвинулась небольшая площадка, похожая на металлическую ладошку.

На ней лежал белый овальный шарик.

Пельмешек! Мой собственный! Заработанный!

Я осторожно взял его.

Железная «рука» тут же скрылась в стене.

— Ну здравствуй, родимый!

Я покрутил шарик в пальцах.

Тот самый защип сбоку.

Гладкая белая оболочка.

Никакого запаха.

Вспомнился попрошайка. Как он жадно проглотил свою порцию. Как у него на глазах выступили слёзы.

И вдруг я окончательно понял, что действительно хочу есть.

Не просто перекусить.

А нормально поесть.

Желательно чего-нибудь горячего.

Сытного. Мясного. Наваристого!

Я, выходит, люблю мясо?

Я усмехнулся.

— Ладно. Проверим.

Поднёс шарик ко рту.

Осторожно надкусил.

Оболочка оказалась тонкой, немного упругой.

Под зубами что-то мягко лопнуло, и рот мгновенно наполнился вкусом.

Я замер.

Вот это…

Вот это да!

Я не мог понять, что именно ем, но вкус был невероятный.

Тёплый, насыщенный, удивительно знакомый.

Словно я только что попробовал своё самое любимое блюдо. То самое, которое мог бы есть каждый день.

Я закрыл глаза. Попытался вспомнить название. И не смог.

Да как же так?!

Я точно знал этот вкус. Знал, что ел такое раньше, и не раз. Я даже был уверен, что это моё любимое блюдо. Но ни название, ни само блюдо представить не получалось. Только вкус.

Я медленно прожевал остаток и проглотил.

По телу разлилось приятное тепло.

Голод начал отступать почти сразу.

Я уставился на пустую ладонь.

— Охренеть…

Один маленький шарик — и столько удовольствия.

Я пожалел, что съел его так быстро.

Хотелось ещё.

Хотя бы один.

Хотя бы половинку.

Я покосился на нишу.

Зелёный огонёк погас.

Тяжело вздохнул.

— Ну конечно.

Я взглянул на статистику.

Статистика.

Выполнено заданий за цикл: 1

Активные штрафы за цикл: 0

Получено рационов за цикл: 1

Получено уколов за цикл: 0

Один — один. Неплохо.

Хотя нет.

Плохо. Очень плохо.

Из двух заданий я выполнил только одно.

Больше допускать такого нельзя!

Сколько раз можно остаться без еды, прежде чем Механизм решит, что ты ни на что не годишься? Даже не так. Прежде, чем я сумею отсюда вырваться.

Я посмотрел на свои руки. Перчатки грязные, пальцы ноют. Спина тоже. Где-то под коленями отчетливо ощущается

что-то неприятное и колющее.

Но зато я был сыт. Сытость всё ещё накатывала, и, кажется, я даже немного объелся. Во дела. Жажда не пропала полностью, но пить я хотел значительно меньше.

И впервые с момента пробуждения я почувствовал, что хоть немного контролирую происходящее.

Нужно просто выполнять задания.

Не попадаться гопникам.

И тогда можно жить.

Вроде бы.

Я усмехнулся.

— Ну что, Мех? Один — один, деревяшка ты тупая!

Никакой реакции.

Разумеется.

Я направился к выходу.

Впереди было полно свободного времени.

Глава 4

Первое, что я решил сделать, — осмотреться.

Не то чтобы раньше я ходил с закрытыми глазами. Просто все мои перемещения по местному железному дурдому имели конкретную цель: найти блок, получить ящик, отнести ящик, потерять ящик, найти другой…

Теперь же я был свободен. По крайней мере, до следующего производственного цикла.

Проверил статистику. Одно выполненное задание, один полученный рацион, никаких штрафов. Всё на месте.

Вокруг продолжалась привычная суета. Люди таскали грузы, переговаривались, под потолком проплывали камеры, где-то грохотал металл. Свет не менялся ни на секунду. Ни окон, ни часов я до сих пор так и не увидел.

А ведь прошли как минимум сутки. Если, конечно, производственный цикл действительно длится двадцать четыре часа.

Интересно, снаружи сейчас день или ночь? И есть ли вообще это «снаружи»?

Для начала решил вернуться к Пуповине. Через ту площадку постоянно проходило множество людей, и наверняка кто-нибудь мог подсказать что-то полезное.

Например, где взять воды.

После рациона есть почти не хотелось, а вот жажда никуда

не делась, хоть и стала заметно слабее. Я уже видел мужика с бутылкой возле тёплой трубы. Значит, люди здесь всё-таки что-то пьют. Осталось выяснить, где они берут воду.

По дороге я начал узнавать отдельные места: широкую трубу, уходящую в стену, перекрёсток, где пересекались маршруты камер, коридор с кислым запахом. Несколько раз свернул не туда, но постепенно разобрался с направлением.

Я как раз проходил мимо широкого перекрёстка, когда впереди раздался крик:

— Да отпусти ты, придурок!

Я притормозил.

— Спокойнее! Не дёргайся!

А вот этот голос я узнал.

Тупой придурок Саймон.

Я осторожно выглянул из-за металлической опоры. Возле узкого бокового прохода стояли четверо. Троих я узнал сразу: те самые уроды, которые отобрали у меня первый ящик. Саймон в жилете, тип без рубашки и третий, с тряпками на руках.

Четвёртый прижимал к груди небольшой ящик и явно не собирался его отдавать.

— Это моё задание! — возмущался он. — Отвалите!

— Да никто у тебя задание не отбирает! — спокойно ответил Саймон. — Ящик давай.

— Ага, сейчас!

Мужчина попытался пройти мимо, но тот, что был без ру-

башки, толкнул его в грудь. Ящик едва не выскользнул из рук.

Я поднял голову. Камер над перекрёстком не было. Ближайший шар двигался по соседнему коридору и сюда, похоже, не собирался.

Ну конечно. Опять выбрали место.

Дальше всё произошло быстро. Один схватил ящик, второй дёрнул работника за плечо, третий держался рядом, показывая какую-то блестящую хреновину. Через несколько секунд груз оказался у Саймона.

— Вот! — довольно произнёс тот. — А говорил, не отдашь!

— Суки! — выкрикнул ограбленный.

Саймон медленно повернулся к нему.

— Чего ты только вякнул?

Работник замолчал.

— Ну вот и молодец. Иди работай.

Я невольно сжал кулаки. Знакомая ситуация. Разве что этот мужик хотя бы одет нормально.

Троица скрылась в боковом проходе, а ограбленный, выругавшись, побрёл в противоположную сторону.

Я уже собирался идти дальше, но задумался: а куда они девают награбленное? Задания выдаются на конкретные ящики с номерами. Значит, бандитам нужны не сами ящики, а то, что внутри. Или ящики?

Я осторожно двинулся следом.

Шли они достаточно быстро. Я держался на расстоянии, прятался за выступами и трубами. Один раз почти потерял их из виду, пришлось ускориться.

И только тогда подумал: а что я буду делать, если меня заметят?

Наверное, убегать. Драться с тремя мужиками, у одного из которых точно есть оружие, — сомнительная затея. Особенно в одних трусах.

Забавно, но уже с ящиком троица спокойно проходила под камерой. Значит, они не помечены как брак? Механизм их не ищет? Непонятно.

Вскоре бандиты вышли на небольшую площадку, заставленную металлическими контейнерами. Саймон поставил ящик на один из них.

— Давай открывай, — сказал мужчина без рубашки.

— Сам открой.

Третий достал из тряпок блестящий предмет.

Нож. Точнее, кусок металла с заточенным до блеска краем. Что-то вроде широкого лезвия без рукояти.

Мужик просунул лезвие под крышку и несколько раз поддел её. Раздался щелчок.

Я перебрался за соседний контейнер. Отсюда было видно лучше.

Саймон заглянул внутрь.

— О-о! Нормально!

— Сколько? — спросил его приятель.

— Да дохрена! Половина нам, половина барыгам.

Третий сунул руку в ящик и вытащил что-то прозрачное. Сначала я принял это за тряпку, но предмет оказался небольшой мягкой ёмкостью. Вроде длинного пакетика с жидкостью, запаянного со всех сторон.

Вода?

— Ну давай, — сказал Саймон. — Только не всю!

Мужик откусил уголок, и жидкость брызнула наружу. Он поспешно направил пакет в рот и стал выдавливать содержимое пальцами. Через несколько секунд оболочка смялась почти полностью.

— А-а-а! Хорошо как!

Он швырнул пустой пакет на пол.

Я сглотнул.

Так вот как она здесь выглядит. Не бутылка, не фляга. Просто прозрачная мягкая колба с запаянными краями.

Саймон достал ещё одну, потом следующую. В ящике их оказалось немало. Бандиты принялись пересчитывать добычу и спорить, сколько кому достанется.

А я смотрел на пустую оболочку возле контейнера.

Ради воды они ограбили человека. И ведь тот мужик наверняка получит штраф. Как я. Только мой ящик был тяжёлым, а его, выходит, отобрали ради нескольких глотков воды.

Я поймал себя на неприятной мысли: ещё немного — и я сам начну завидовать этим уродам. У них хотя бы есть вода. Не очень-то хотелось до такого докатиться.

Получается, воду тоже доставляют по заданиям? А где её выдают тем, кто не занимается грабежом?

Вопросов прибавилось.

Я осторожно отступил. Взял бы пустой пакет, да что толку? Чтобы его наполнить, сначала нужно найти воду.

Ладно. С гнидой Саймоном на сегодня достаточно.

К Пуповине я вернулся не сразу. Пришлось немного поблуждать, зато знакомую площадку узнал ещё издалека.

Народу здесь, кажется, стало больше. Или просто сменились работники.

Я заметил место, где раньше сидел попрошайка. Интересно, он ещё прячется где-нибудь поблизости?

Можно было поискать, но я тут же вспомнил его «За порцию!».

Нет уж. Сначала вода. А порций у меня сейчас всё равно нет.

Мимо проходил мужчина с тележкой.

— Слушай! Где здесь воду можно получить?

Он остановился.

— Какую?

— Обычную. Питьевую.

— Не знаю.

И ушёл.

Ладно. Может, действительно не знает.

Следующий сидел у стены и наматывал грязную тряпку на руку.

— Здравствуйте! Подскажите, где тут воду взять можно?

— Воду? — Он смерил меня взглядом. — Свежий?

— Ага.

— Работай.

— Я работаю!

— Ну и работай.

— Так а вода-то где?

— Отвали.

Прекрасно. Очень содержательно.

Ещё двое меня проигнорировали, а пятый предложил всё объяснить за рацион.

— Нет, спасибо! У меня уже был такой консультант!

Я махнул рукой и пошёл дальше.

Каждый здесь был занят собственными делами. Кто-то таскал грузы, кто-то сидел у стены, кто-то просто стоял и смотрел по сторонам. На вопросы отвечали через силу. Если вообще отвечали.

Хотя чего я ожидал? Райского санатория? Здесь ведь ежедневно приходится работать за еду, а если не можешь — ещё неизвестно, чем всё закончится.

Я прислонился к стене, прикидывая, кого бы расспросить следующим, и вдруг услышал:

— Двое нужны! Крепкие! За работу хорошие штаны!

Я повернул голову.

Неподалёку стоял рыжебородый мужик. Он размахивал грязной тряпкой и кричал на всю площадку:

— Двое! Только крепкие! Работы немного! Плата вещами!

Плата? Вещами?

— Штаны! Рубахи! Носки! Кому чего надо! — продолжал орать мужик.

Чуть дальше кто-то предлагал инструменты за работу в двадцать шестом блоке. С другой стороны обещали обувь за разгрузку.

Я огляделся внимательнее.

Некоторые люди здесь не просто ждали или проходили мимо. Они стояли на определённых местах и зазывали работников. У одного в руках были ботинки, другой показывал металлический инструмент, третий спорил с двумя мужиками, размахивая какой-то железякой.

Вот это уже интересно.

Получается, здесь есть работа, которую предлагает не Механизм?

Я подошёл к рыжебородому.

Он оглядел почти голого меня с головы до ног.

— Первый день?

— Второй!

— Работать умеешь?

— Смотря что делать.

— Таскать.

— А платить чем будешь?

— Штанами. Рубаху могу дать.

— Только одежда? А рацион? Вода?

Рыжий расхохотался.

— Рацион ему! Ты чего, совсем обалдел? Голову напекло? Рационы Мех выдаёт. Я тебе не Мех.

— Но ты предлагаешь задание. Задание сам придумал?

— Задание от Меха, придурок! Работы много, я один не управлюсь.

— А награду от Меха кто получает?

— Я.

— А остальные?

Он поднял грязную тряпку.

— Вот!

— Это что?

— Рубаха!

— Это тряпка.

— Нормальная рубаха! На свою посмотри!

Рубахи на мне, разумеется, нет.

— Да она же дырявая! — не унимался я.

— Зато своя будет! Не выноси мне мозг, малыш! Либо бери работу, либо не мешай!

Я хотел сначала возразить, но замолчал.

У меня даже дырявой рубахи нет. Только трусы, носки и перчатки, которые после двух ящиков уже перестали быть белоснежными.

— А штаны какие?

Рыжий оживился и вытащил из кучи серые штаны. С дву-

мя штанинами, карманами и большой заплаткой на колене.

— Размер подойдёт? — спросил я.

— Подойдёт!

— Ты же даже не знаешь, какой у меня размер!

— Не подойдут — подвернёшь!

— Работа тяжёлая?

— Нормальная. Я уже сказал, таскать надо.

— Много?

— Пока не закончим.

— А если не закончим?

— Не получишь штаны! Отвали уже! Либо берёшь работу, либо нет. Всё, точка!

Я задумался. После сегодняшней доставки спина всё ещё ныла, и снова таскать тяжести не хотелось. Но штаны...

Я отошёл, оставив рыжего орать на следующих прохожих.

Несколько минут я походил между зазывалами. Работу предлагали самую разную: перенести контейнеры, разобрать конструкцию, помочь с трубами. Платили одеждой, обувью, инструментами, водой и даже предметами обихода вроде мыла или зубной пасты.

Один мужик обещал пару ботинок. Правда, когда я попросил показать, предъявил только один. Второй, по его словам, появится после работы.

Понаблюдав за разговорами, я понял, что люди здесь могут зарабатывать вещи самостоятельно. Механизм выдаёт задание кому-то одному, а тот нанимает помощников и рас-

плачивается чем сумеет.

И всё это происходит прямо под камерами. Никто ничего не скрывает.

Значит, Мех либо разрешает такую деятельность, либо ему совершенно всё равно, кто именно выполняет работу.

Получается, здесь есть даже своя торговля. Денег я пока не видел, но вещи можно менять на труд, а может, и друг на друга. А раз у зазывал есть обувь и одежда, значит, они где-то их добывают. Не из воздуха же штаны берутся.

Вспомнить хотя бы попрошайку: он рассказал мне о местной жизни, а я заплатил ему рационом.

Правда, сделка вышла не самой выгодной.

— Эй!

Я обернулся.

У стены стоял знакомый парень: великоватые серые штаны, грязная ткань на плечах и здоровенная ссадина на лбу.

Тот самый, который показал место для сна.

— О! Привет!

Парень усмехнулся.

— Выспался? Как тебе кровать?

— Спал как на облаке! — усмехнулся я.

— Уже хорошо. Я вернулся, а тебя нет, ты мне теперь должен за спальное место.

— Чего это? Это же не твоё место было!

— А если моё? Аренда спального места.

Я выпрямился.

— Да шучу я, не напрягайся так. — Парень улыбнулся и добавил:

— Как твой вчерашний штраф?

— Новый цикл начался — штраф сняли. А новое задание я выполнил.

Я вдруг вспомнил, что до сих пор не знаю, как его зовут.

— Слушай, а тебя как зовут?

— Шиш.

— Чего?

— Шиш! — повторил он.

— Это имя?

— Ну да.

— Странное какое-то. А полное?

Он нахмурился.

— В смысле?

— Шиш — это сокращение от чего-то? Шишкин, что ли?

Парень рассмеялся.

— Да нет! Просто Шиш!

— А почему Шиш?

— Ну вот так.

Интересно...

— А тебя? — спросил он.

Я уже открыл рот, готовый ответить, но так и замер.

А меня?

С момента пробуждения я несколько раз пытался вспомнить собственное имя, но так ничего и не добился. Потом

навалились задания, штрафы, поиски еды. Как-то стало не до этого.

— Не знаю, — наконец ответил я.

Шиш перестал улыбаться. А я добавил:

— Не помню.

Парень покрутил головой, как будто искал что-то глазами на потолке. Я тем временем спросил его:

— Почему всё-таки Шиш?

— Придумал. Первое, что в голову пришло.

— И все так делают?

— Кто как. Кто сам себе имя берёт, кого другие как-нибудь называют. Потом привыкаешь.

— А старое имя никто не помнит?

Шиш пожал плечами.

— Не знаю. Может, кто и помнит, но таких я ещё не встречал.

— А ты не пытался вспомнить?

— Пытался. Не получилось.

— И тебя это не беспокоит?

Шиш удивился.

— А чего беспокоиться?

— Ну как же! Ты ведь не знаешь, кто ты!

— Знаю, я Шиш.

Я прикрыл глаза.

— Нет. Я про то, кем ты был раньше!

Он задумался.

— Кем я был, не знаю. А что мне это даёт? Я знаю, что тут я Шиш, и пока я тут, буду Шишем.

Для него потерянное прошлое будто ничего не значило. А ведь он уже сорок циклов здесь прожил. Я бы, наверное, с ума сошёл за такое время. И, как бы ни печально это звучало, скорее всего, сойду.

Хотя откуда мне знать?

— А кроме имени, совсем ничего не вспоминается? — спросил я.

— Не-а. Даже когда кажется, что что-то всплывает, стоит попытаться ухватиться за мысль, как она сразу ускользает.

Получается, у него всё как у меня. Да и у остальных, похоже, тоже: общие знания остались, а личная память исчезла.

— Надо придумать тебе имя! — воодушевлённо проговорил собеседник.

— Просто придумать?

— Ага. Только нормальное какое-нибудь.

— А Шиш, значит, нормальное?

— Конечно! Короткое, легко запоминается, имя уникальное! Три буквы, две из них одинаковые, проще некуда!

Я не выдержал и рассмеялся. Шиш тоже улыбнулся.

Вообще-то назвать себя можно как угодно. Да хоть Александром Македонским.

Кстати, почему Александра Македонского я помню, а себя — нет?

Нет уж. С этим я обязательно буду разбираться.

Я наморщил лоб:

— Ладно, имя, значит...

— Думай медленно, чего ты хочешь от имени? Чтобы внушало страх и ужас, или же чтобы ощущалось как имя древнего богатого рода?

Шиш посмотрел на зазывал.

— Так, давай переместимся поближе к центру. Мне скоро идти надо будет. К этим прекрасным штанам сегодня добавится не менее прекрасная рубашка!

— Ты к этим, что ли? Наниматься?

— Уже нанялся, последнего ищут. Как найдут — выдвигаемся сразу.

— А у тебя своего задания, что ли, нет?

— Есть. А вот рубашки у меня нет! Будет рубашка, мир станет чуточку приветливее!

Ну конечно. Подработка за рубашку. Это место просто эталон абсурда.

— Пошли. — Он сделал шаг в сторону, заглядывая мне за спину.

Шиш подвёл меня к крупному мужчине с широкой шеей и короткими волосами. Тот стоял возле кучи инструментов: длинных стержней, крюков, обрывков ремней. На нём был серый комбинезон, причём целый. Даже рукава на месте.

— Пошли со мной подработаем? Тебе бы тоже приодеться... не?

Я кивнул, не особо вслушиваясь в вопрос. Меня поразила

эта странная сверкающая куча хлама.

Вот это уже показатель местного благосостояния.

Рядом с кучей ждали двое работников. Один высокий и худой, другой пониже, зато с такими руками, что я почти открыто позавидовал.

— Ещё один! — выкрикивал мужчина. — Работа тяжёлая! Плата вещами! Качественными! Обувь, одежда, инструмент!

Шиш подошёл к нему.

— Привёл тебе!

— Кого? — тут же спросил мужик.

— Вот!

И оба уставились на меня.

— Я?

Шиш закивал.

— Да я же...

— Годится! Всё, выдвигаемся!

Я опешил.

— А работа какая? — обратился я уже к Шишу.

— В восемнадцатом блоке конструкцию разобрать надо. Потом части перенести и собрать на новом месте.

Я пересчитал нашу группу: двое работников, сгребающих разложенные зазывалой вещи в мешок, сам зазывала, Шиш и я. Пятеро.

— А платить чем будешь? Я даже не выбрал ещё.

— А чем хочешь?

— Штаны, ботинки, рубашка.

— Ха-ха-ха! Ну этого у меня навалом!

Он указал на уже совсем небольшую кучу вещей, которая почти исчезла в недрах мешка.

Вещи потрёпанные, конечно, но по местным меркам довольно хорошие. А вот ботинки мне даже понравились! Подошвы толстые, шнурки на месте. И главное — выглядели очень крепкими.

— Ботинки точно беру! Рубашку и штаны тогда потом на месте выберу.

— А ты что один собрался всю работу делать?

— В смысле? Пятеро же нас.

Мужчина посмотрел сначала на меня, потом на Шиша.

— Ты что ему наобещал, придурок?

Шиш переводил взгляд с меня на зазывалу.

— Я не обещал ничего, ты что, Майки!

Майки? Этого здоровяка зовут Майки? Так и хотелось спросить у него, сам ли он выбрал себе такое имя.

Майки...

— Что не так? — спросил я.

— После работы ты получишь только что-то одно. Или рубашку, или штаны, или ботинки!

Каждое «или» он выделял длинной паузой. Мой труд, который я уже мысленно обменял на комплект одежды, резко упал в цене.

— Мне нужна одежда и обувь! — настоял я.

Мужчина нахмурился.

— Если плохо работать будешь, то вообще ничего не получишь, а условия тут ставлю я. Я тебя нанимаю, я решаю, сколько тебе заплатить, усёк?

— Я могу отказаться, если мне не понравится то, что ты предлагаешь? — продолжил я словесную атаку.

Зазывала повернулся к Шишу, потом снова ко мне и с фальшивой улыбкой процедил:

— Ну разумеется!

Затем он подмигнул мне и уже обычным тоном добавил:

— Не бойся. Заплачу я. Заплачу нормально, и поверь: если я предлагаю за работу ботинки, значит, это хорошие, мать твою, ботинки!

Я посмотрел на Шиша и нарочно громко спросил:

— Ты его давно знаешь?

— С самого рождения! — тут же ответил парень.

— Платит хорошо?

— Ну да. Вот же у меня ботинки и штаны, смотри, какие хорошие!

Штаны на нём и правда были хорошие — часть какого-то комплекта, с застёжками, светоотражающим поясом и креплениями под наколенники.

А вот ботинки... дерьмовые.

Мне же обувь действительно была нужна. После сегодняшних коридоров один носок уже протёрся на пятке. Ещё немного — и по этим железным полам я буду ходить боси-

ком.

Если можно выбрать только одну вещь, это будут ботинки.

— Ладно, — произнёс я. — Согласен.

Зазывала довольно кивнул.

— Вот и отлично!

Высокий мужчина поднялся. Второй взял с пола длинный металлический стержень. Шиш подхватил два ремня.

Мне зазывала протянул какую-то железяку.

— Это что?

— Рычаг.

Я повертел предмет в руках. Длинная металлическая палка с загнутым концом. Килограммов пять, наверное.

— А зачем?

Мужчина посмотрел на меня.

— Работать.

Ну конечно. Как же я сам не догадался.

Он махнул рукой в сторону прохода, беря в руки мешки, в полтора раза больше его самого.

— За мной!

Остальные двинулись следом. Я ещё раз взглянул на свои носки, затем на рычаг и поспешил за ними.

Не знаю, что там за конструкция в восемнадцатом блоке и справимся ли мы с ней вообще. Но теперь я шёл выполнять работу не один. Рядом бодро шагал Шиш, а за работу обещали хорошие ботинки. Просто сидеть и ждать следующий цикл я точно не готов. Пришло время рискнуть.

— Ну что ж, — пробормотал я. — Надеюсь, оно того стоит.

Шиш услышал и усмехнулся:

— Всё бывает в первый раз! Привыкай, свежий!

— Да пошёл ты!

Он рассмеялся.

А я, покачав головой, отправился вместе с остальными на своё первое групповое задание.

Глава 5

Дорога до восемнадцатого блока оказалась не такой уж длинной.

— Шиш, — окликнул я парня, шедшего рядом. — А ты видел кого-то здесь ещё, кроме работяг? Администрация, руководители проекта там...

— Не-а. Никого здесь нет, только мы.

— Только мы...

Впереди Майки остановился под большой белой цифрой восемнадцать и махнул рукой.

— Пришли! Давайте живее!

Мы свернули в широкий проход. За ним открылось помещение, откуда доносился ровный низкий гул. Вдоль стен тянулись трубы, под потолком — направляющие. Посередине стояла наша работа.

Я даже остановился.

— Это вот оно?

Конструкция напоминала огромный стеллаж, который зачем-то собрали из одних металлических труб и листов. Прямоугольный каркас, метра четыре в длину и почти в два человеческих роста. Внутри — перекладины, перегородки, пластины, поставленные под разными углами. Одни соединения прятались за листами металла, другие торчали наружу.

Для чего она нужна, было совершенно непонятно.

— Вот её, — довольно сообщил Майки, кинув мешки у стены.

— А зачем она тут?

— Зачем тут стояла, не знаю, но теперь её надо разобрать, перенести в соседний зал и собрать обратно.

Он указал на широкий проём в дальней стене.

— Собрать такую же? — подал голос мужичок позади меня.

— Эту же. Из этих же деталей.

Я пошёл вдоль конструкции, прикидывая, с чего вообще начать. До меня донёсся вопрос того же мужичка:

— И долго мы будем эту штуку ковырять? У меня в этом цикле ещё задание висит.

— Значит, есть смысл поторопиться! Не стойте столбами! А я пока притащу телегу.

Остальные тоже разошлись по местам. Высокий направился к дальнему краю каркаса, а коренастый достал из мешка какую-то штуковину. Нет, не инструмент — банку какую-то, что ли.

Подошёл Шиш, забрал у меня рычаг, вставил загнутый конец в узкий паз на стыке трубы и пластины и навалился на рукоять.

Внутри что-то сухо щёлкнуло.

Край пластины чуть отскочил от трубы.

— Вот, — сказал он. — Так делай.

— А откручивать ничего не надо?

— Тут нечего откручивать. Всё собирается как конструктор. Снятые части складывай кучками, чтобы не запутаться потом.

В щели сидел плоский фиксатор со скошенным концом. Я нажал рычагом на пружинящий язычок, и фиксатор выскочил с очередным щелчком.

Следующая пластина дёрнулась так резко, что я чуть не ударил себя рычагом в колено.

— Твою мать! — Я посмотрел на разодранный палец. Отдёргивая руку, я поцарапал его об острый край.

Шиш посмотрел на мой палец, потом на меня, хмыкнул:

— Привыкай.

Не успели начать, а я уже хотел его придушить.

Сам процесс был понятен и прост. Монотонная работа.

Я наваливался на рычаг обеими руками. Металл скрипел, не желая так легко поддаваться. Потом раздавался щелчок, и вся накопленная сила оказывалась уже совершенно не нужна.

Теперь стало понятно, зачем рычагу такой вес и длина. Иначе эти замки просто не сдвинуть. Через полчаса работы руки уже были категорически против.

— Держи там! — крикнул мне Шиш.

Мы вдвоём подхватили освобождённую пластину. Обычный лист с загнутыми краями. Тяжёлый, зараза.

— Куда?

— Вон туда, к стене. И не клади на фиксаторы!

Отнесли пластину к стене. Там уже лежали трубы и перекладины. Фиксаторы складывали отдельно, в металлический лоток.

Все они были одинаковыми. Узкие, толщиной с палец, со скошенным концом и вырезом у основания. Шиш брал их без особого интереса, а я каждый раз старался не цепляться за острые края.

Потом вернулись к каркасу. Следующая пластина, ещё одна, ещё… Вопрос о назначении конструкции меня больше не интересовал. Только сколько в ней осталось проклятых защёлок.

— Майки! — крикнул я спустя какое-то время. — А нельзя всё это целиком перетащить?

— Можно! — отозвался тот.

— Серьёзно?!

— Конечно! Если поднимешь!

Шиш заржал, подхватывая очередную деталь, освободившуюся из паза.

— Думаешь, ты первый, кто это предложил?

Каркас становился легче, но освобождённые трубы шатались. Майки то велел придержать перекладину, то отпускать, то ругался из-за не того фиксатора.

В какой-то момент высокий работник освободил соединение, и труба с грохотом рухнула на пол.

— Осторожнее, дебилы! — взревел Майки. — Сначала держишь, потом отщёлкиваешь!

— Я держал! — огрызнулся высокий.

— Чем? Взглядом?!

— Она тяжёлая!

— Это голова у тебя тяжёлая!

Коренастый молча поднял трубу. Он вообще не проронил ни слова.

Время тянулось отвратительно медленно.

Сначала устали плечи. Многие детали приходилось извлекать на вытянутых перед собой руках. Потом рычаг начал давить через перчатки. Мокрая от пота ткань скользила, и каждый нажим отзывался жжением у основания пальцев.

Когда мы ненадолго остановились, я стянул одну перчатку.

— Охренеть…

На ладони вздулась красная полоса. У большого пальца уже намечался пузырь, а под мизинцем кожа была стёрта почти до мяса.

Шиш заглянул через плечо.

— Натёр?

— Нет. Это у меня рука улыбается.

— Перчатку обратно надень. Хуже будет. Пока не закончим, лучше не снимай.

Натянул её обратно. Теперь каждый нажим чувствовался особенно отчётливо.

Сколько там стоит новая ладонь? Пара ботинок? Две пары? Или щедрый Майки решит, что с меня хватит и одного ботинка?

Майки подошёл проверить наш участок, пошевелил одну из труб и недовольно цокнул языком.

— Эту чего не сняли?

— Центр массы, — ответил я. — Иначе завалится.

Он выхватил у меня рычаг, упёр его конец в паз и резко нажал.

Щёлк.

И часть конструкции начала со скрипом отклоняться, выгибая нижние трубы. Схватившись за верх, Шиш начал давить обратно. Вроде пересилил, но нижняя труба деформировалась.

— Нахрена?! — спросил я у Майки, но тот бросил рычаг и только громко крикнул остальным:

— Заканчивайте быстрее! Нам это ещё собирать!

Постепенно от огромной конструкции остался только нижний прямоугольник. Потом сняли и его.

Майки потёр шею и посмотрел куда-то перед собой, словно читал невидимые строки.

— Три часа, — сообщил он. — Три часа одну железяку разбираем.

Я посмотрел на разложенные вдоль стены трубы, листы и лотки с фиксаторами.

Потом на свои руки.

Три часа работы, мозоли, затёкшая спина. А награда — одна пара ботинок.

Обувь мне нужна, спору нет. Но за такое хотелось ещё штаны и личного массажиста!

— Это ещё не всё, — весело напомнил Шиш.

Я медленно повернул к нему голову.

— Чего? — не сразу понял я.

— Теперь таскать.

Соседний зал оказался за широким коридором и ещё одним поворотом. Сам по себе путь был недлинный, но попробуй пройти его с металлической пластиной, которая норовит выскользнуть из натёртых ладоней.

Майки разделил нас на пары. Мы с Шишем переносили листы и длинные трубы. Двое других брали детали потяжелее. Сам Майки вёз тележку с мелочёвкой, и я видел, как раздуваются его ноздри от тяжести, как напрягаются мышцы. Ему было тяжело.

На новом месте торчали точно такие же крепления в полу. Получается, Механизм приказал переставить эту штуку из одного помещения в другое. Интересно, а почему колёса прикрутить не додумался?

Мы сделали несколько ходок. Я пытался переносить трубы на плече, но каждый раз, когда приходилось браться за гладкий металл пальцами, ладони будто обжигало.

Один раз я чуть не уронил пластину Шишу на ногу.

— Ты чего?! — возмутился тот.

— Руки не держат!

— Тогда говори, когда отпускаешь!

— Я вообще-то ещё не отпустил!

— Зато я успел обосраться!

На очередной ходке я обратил внимание на пустое место возле лотков.

Точнее, на отсутствие человека.

Высокого мужика не было.

Сначала решил, что он уже ушёл с грузом. Но в соседнем зале были только Майки, коренастый и Шиш. И обратно высокий не вернулся.

Странно.

— Шиш, — негромко спросил я. — А где длинный?

— Какой?

— Ну этот, с которым работаем.

Шиш огляделся.

— Не знаю. Может, отошёл.

— А Майки?

— Чего Майки?

— Не видит, что одного работника нет?

— Занят он. Потом увидит.

Никто и правда ничего не заметил. Майки возился с креплениями, коренастый тащил трубу, Шиш потянулся за следующей пластиной.

— Слушай, я сейчас вернусь, — сказал я.

— Куда?

— Проверю кое-что.

— Только не теряйся. Работу за тебя делать не буду!

Да уж. В этом я почему-то не сомневался.

Я заглянул в два ближайших прохода. Пусто. Но зачем вообще уходить, если работа почти сделана? Только если причина уйти перевешивает награду.

В третьем коридоре я услышал скрежет.

За изгибом стены кто-то возился у металлического выступа. Тот самый высокий мужик.

Я остановился за трубой, которая тянулась вдоль стены почти до пола.

Работник стоял ко мне боком. В руках у него был лоток с плоскими фиксаторами. Только не тот большой, куда мы всё складывали, а маленькая самодельная коробка из загнутого листа.

Что ты задумал, а?

Он уложил несколько одинаковых деталей в углубление за выступом. Добавил ещё.

Узкие полоски одной длины, со скошенными концами.

Одна полоска блеснула под светом, и я понял, что она мне напомнила. Совсем как та заточка, которую один из приятелей Саймона держал в тряпках.

Только этих здесь была целая горсть.

Мужик оглянулся, не заметил меня, взял прислонённый рядом тонкий лист металла и прикрыл им углубление. Лист

вошёл за выступ почти вровень со стеной. Если не знать, что там что-то спрятано, пройдёшь мимо и не обратишь внимания.

Вот ведь сволочь.

Мы три часа надрывались, а он тащит в тайник самые мелкие детали. В общей куче не заметишь.

Вот только без них конструкцию обратно не собрать.

Я осторожно отступил.

Драться с ним одному не хотелось. Особенно такими руками.

— Шиш. Иди сюда. Только тихо. — Я выглянул из-за угла и подозвал приятеля.

— Чего тебе?

— Наш длинный детали ворует.

Он перестал улыбаться.

— Какие детали?

— Фиксаторы. За стеной, в проходе. Я видел. Пошли, сам посмотришь.

Шиш вытер ладони о штаны и пошёл за мной.

Когда мы выглянули из-за поворота, высокий мужик ещё был на месте. Он как раз поправлял лист металла, которым закрывал тайник.

Шиш оценивающе посмотрел на него.

Потом на меня.

— Ты справа, я слева, — прошептал я.

— А если у него нож?

— Тогда не лезь под нож.

Мы вышли одновременно.

— Эй! — окликнул Шиш.

Мужик дёрнулся и обернулся.

— Чего вам?

Я посмотрел на него исподлобья, спросил:

— Давно железо по карманам растаскиваешь, урод?

— Чё ты несёшь? Я по-ссать отошёл!

Он шагнул от стены, пытаясь пройти мимо. Я преградил дорогу.

— Ну и как, по-ссал? Где лужа?

— Отвали, слышь!

— Покажи — и отвалю.

Высокий посмотрел сначала на меня, потом на Шиша.

— Вы чё, двое, совсем охренели? Да я вас!

Он попытался нырнуть между нами, приседая и делая шаг вперёд. Шиш схватил его за локоть, а я машинально ударил наотмашь ладонью по затылку.

Боль прострелила ладонь.

— А-а, сука! — закричал длинный, заваливаясь вперёд. Шиш дёрнул его за локоть, не дав выставить руки. Мужик пробороздил мордой пол прямо по швам между металлическими плитами. И затих.

— Подхвати его, перевернём, — сказал Шиш.

Мы кое-как развернули его лицом к потолку. Он опомнился и начал дёргать ногами, а я чуть не отпустил: кожу

под перчаткой будто разорвали заново. Резкая жгучая боль. Шиш навалился коленом, и мы прижали вора к металлу.

— Да вы чё творите?! — заорал тот, пытаясь выплюнуть изо рта затекающую туда кровь из носа. — Отпустите!

— Сейчас, — процедил я. — Только скажи, зачем детали спрятал.

— Я не прятал!

— Ага. Они сами за стену залезли.

— Я... — начал тот, но я не дал ему сказать.

— И листом прикрыл, чтобы не замёрзли?

Шиш фыркнул, но руки не ослабил.

— Майки! — крикнул он в коридор. — Сюда иди!

Сначала послышались шаги. Потом из-за поворота появился Майки, а за ним коренастый работник.

— Вы что тут устроили?!

— Твоего длинного поймали, — сказал Шиш. — Он фиксаторы прячет.

— Чего?!

Я кивнул на выступ.

— Вон там. Под листом.

Майки шагнул к стене, выдернул металлическую пластину и заглянул внутрь.

— Ах ты падла…

Он достал одну полоску. Потом вторую. Потом выгреб целую пригоршню.

— Это ж замки! — рявкнул он. — Ты чё урод, решил меня

со штрафом оставить?

Высокий перестал вырываться.

— Я потом вернуть хотел.

— Куда? Когда?! — Майки побагровел. — После того как мне штраф влепят?

— Да не ори ты… Майки, скажи этим, чтобы отпустили. Плохо мне что-то.

— Не орать?! Я три часа эту дуру разбирал! За вас всех отвечаю! Мех выдал задание не вам, уродам, а мне! И штраф выдаст мне, если мы его завалим!

Майки с силой пнул длинного куда-то под ребро, и тот заскулил от боли.

Коренастый молча подошёл поближе. Высокий посмотрел на него и окончательно затих.

— Уберите с него руки, — велел Майки. — Я сам разберусь.

Мы с Шишем отпустили мужика. Тот принялся осторожно ощупывать лицо. Кровь из носа всё ещё шла, хоть и слабее. Нос распух, под глазами наливались багровые мешки. Он бросил на меня злой взгляд, но ничего не сказал.

— Сюда смотри, — Майки сунул ему в руки пустую коробку. — Сейчас соберёшь всё до последней железки и отнесёшь обратно. А потом будешь работать. Пока не закончим.

Шиш посмотрел на мои руки, перчатки были пропитаны потом и кровью. Моей кровью. Под перчатками уже давно было липкое месиво, размазанное по ладоням.

— Вторую тоже натёр? — спросил Шиш.

— Не-а. Просто обе руки радуются.

— Ну вот, — довольно сказал он. — А ты боялся.

Мы пошли за остальными.

Собирать конструкцию оказалось немного легче, чем разбирать. Теперь я, к тому же, понимал, с какой стороны подступаться к железу.

При сборке рычаг нужен был уже не везде. Трубы заводили в направляющие, пластины совмещали с пазами, а плоские фиксаторы вставляли скошенным концом вперёд. Надавишь до упора — щёлк, замок захлопнулся и держит соединение.

Когда что-то не совпадало, приходилось выщёлкивать фиксатор и начинать заново.

С нижней трубой, которую погнул Майки, пришлось повозиться отдельно. Она не попадала в направляющие. Коренастый прижал один край к полу, Шиш придерживал другой, а Майки рычагом понемногу выправлял изгиб. После нескольких попыток труба наконец встала на место, и фиксатор защёлкнулся. Я едва удержался от замечания про центр массы.

Высокий работал молча. Даже слишком молча. Майки не спускал с него глаз.

Мы с Шишем ставили одну из последних пластин. Я придерживал край, он пытался завести нижний фиксатор.

— Левее, — сказал Шиш.

Я сдвинул пластину.

— Нет, правее.

Сдвинул обратно.

— Теперь чуть вниз.

— Шиш, — произнёс я сквозь зубы. — Я сейчас эту пластину отпущу, быстрее командуй!

— Тихо, почти попали!

Щёлк.

Наконец Майки установил последний фиксатор и обошёл каркас со всех сторон. Подёргал одну перекладину. Другую. Упёрся ладонью в боковую пластину и толкнул.

Конструкция даже не шелохнулась.

— Так, — сказал он. — Вроде всё.

Мы стояли злые и уставшие. Никто не проронил ни слова. Не радость от завершения работы — одно облегчение. Хотелось просто лечь и долго лежать.

Майки несколько секунд смотрел в пустоту перед собой, потом расплылся в улыбке.

— Принято! Всё, готово!

Я медленно опустился на ближайший свободный участок пола.

— Слава… кому-нибудь. Всем сразу.

Шиш сел рядом и засмеялся.

— Ну что, понравилось?

— Ещё как. Особенно то, что это наконец-то закончилось.

Майки подошёл с мешком вещей.

— Так. Расчёт.

Вот теперь я оживился.

— Ботинки, — напомнил я.

— Помню я.

Он порылся в мешке и вытащил ту самую пару. Потрёпанные, но крепкие, с толстой подошвой и целыми шнурками.

Я взял их так осторожно, словно это было что-то невероятно ценное.

— Примерь, — сказал Шиш. — У меня ещё пара есть поменьше.

Я сел поудобнее и стянул с одной ноги протёртый носок. Под пяткой обнаружилась неприятная красная полоска.

Натянул носки обратно, сунул ноги в ботинки и затянул шнурки.

Подошли.

Может, немного свободно, но это уже решалось шнуровкой.

Я поднялся, сделал несколько шагов.

Пол больше не холодил ступни. Каждый шаг больше не отдавался во всём теле!

— О-о… Вот это жизнь!

— Не расслабляйся, — буркнул Майки.

Он достал серые штаны с заплаткой и двумя карманами.

— Держи.

Я не сразу протянул руки.

— Это кому?

— Тебе.

— В смысле? Уговор был на ботинки.

— А это сверху, считай премия. Если бы вы не заметили, как тот идиот замки прячет, мы бы здесь стояли без половины крепежа. Собрать не смогли бы. Задание провалено, штраф на мне. Так что бери, пока не передумал.

Я молча взял штаны.

Надо же.

Здесь кто-то действительно решил доплатить за работу. Не потому, что Мех приказал. Сам.

— Спасибо, — сказал я наконец. — Правда.

— Не за что. Ты мне штраф сэкономил. Так что мы в расчёте. Можешь проваливать.

— А мне что? — оживился Шиш. — Я, между прочим, тоже его держал!

— Тебе рубаху обещал, рубаху получишь, но не ту тряпку, а вот эту. На.

Майки вытащил из мешка довольно приличную серую рубашку. Я бы даже сказал, что она чем-то напоминала лёгкую плотную куртку. Шиш тут же накинул её на плечи и расплылся в улыбке.

— Ну всё. Красавец!

Майки покачал головой и достал из мешка два прозрачных пакета.

Я узнал их сразу.

Такие же были в ящике, который вскрыли люди Саймона.

Внутри плескалась вода.

— И вот это вам обоим, — сказал Майки. — За то, что вовремя заметили крысу.

Я уставился на пакеты.

— Вода!

— Капли! — добавил Шиш.

— Спасибо, Майки!

Я решил тут же прояснить один важный для меня момент.

— А где взять ещё воды? Я за задание получал только порцию еды, воду не получал.

— Зарабатывают. Меняют. Иногда Мех выдаёт по заданию. Ты лучше пей, пока руками не согрел.

Шиш уже вертел свою каплю в руках.

А я смотрел на прозрачную оболочку. Вроде обычный пакет. Запаян по краям, без крышки. Вода колыхалась внутри, стоило чуть сжать пальцы.

Надо же, своя вода. Всего-то три часа разбирать железную хреновину. Очень удобная система водоснабжения.

Я осторожно надкусил самый уголок пакета и сделал несколько глотков.

На вкус — самая обычная вода. Ни сладости, ни каких-нибудь чудесных ощущений.

И до чего же хорошая!

Я остановился, пока не выпил всё разом.

— Как эту штуку закрыть? — спросил я.

Шиш показал, как несколько раз завернуть надкушенный

уголок и перетянуть его тонкой полоской ткани. Полоска нашлась среди обрывков ремней, которыми мы переносили детали.

Я потряс пакет над полом.

Не течёт. Прекрасно.

Штаны я надел сразу. Пришлось немного подвернуть штанины, зато теперь у меня появились карманы.

Карманы!

Уже ради этого стоило помучиться.

В один карман я осторожно убрал каплю. В другом пока ничего не лежало, но сама возможность что-нибудь туда положить радовала почти неприлично.

Перчатки снимать не стал. Хотя они уже мало напоминали те чистые, которые мне выдали при пробуждении. Ткань потемнела, местами протёрлась, а под ней ладони жгло так, будто я держу в руке раскалённую трубу.

Майки остался рассчитываться с остальными работниками. Высокий старательно держался от нас подальше. Шиш, уже направляясь к выходу, махнул мне рукой:

— Ну что, пошли?

— Пошли.

Я даже не стал сопротивляться. Мне было бы интересно ещё пообщаться с Майки… Майком? Ай, неважно.

Идти в ботинках было непривычно. Подошвы стучали по металлу, ноги больше не мёрзли. А я всё равно по привычке

смотрел под ноги, высматривая острые края.

В кармане тихо булькала капля.

С каждым шагом пакет перекатывался и напоминал, что у меня теперь есть собственная вода. Не украденная, не выпрошенная. Заработанная.

Впрочем, слово «заработанная» сегодня звучало как-то подозрительно.

Я посмотрел на свои руки. Вернее, на перчатки. Красно-коричневая ткань местами протёрлась, а под ней буграми вздулись мозоли. Большие, зараза. Пальцы сгибались с трудом, плечи ныли, а спина, кажется, уже написала на меня жалобу Механизму.

— Слушай, Шиш, — произнёс я.

— Чего?

— А у вас тут бывают задания, после которых человек остаётся целым?

Он задумался.

— Бывают, наверное.

Шиш засмеялся и пошёл чуть впереди, разминая шею.

Я поправил карман, в котором булькала капля, и двинулся за ним.

Сегодня я впервые вернулся с работы не с пустыми руками.

И, что особенно приятно, в штанах.

Глава 6

У ботинок обнаружился один серьёзный недостаток.

В них было неудобно чесаться. В остальном же это просто прекрасные ботинки.

А ноги чесались ужасно.

Но даже несмотря на это, после всего, что мы сегодня переделали, снимать обувь если и хотелось, то только вместе с ногами. Положить рядом, пусть отдыхают.

— Шиш, а раны здесь чем лечат?

Он посмотрел на мои красно-коричневые перчатки.

— Рацион поешь. К следующему циклу легче будет.

— Съел, я же задание ещё утром сделал. Ну или не утром. Как проснулся.

— Балда! Береги рацион до конца цикла всегда, а то и не ешь вовсе, если не голоден. Два рациона подряд потом не только голод отгонят, но и раны затянут.

Я осторожно пошевелил пальцами. Ткань присохла к ладоням. При каждом движении под ней что-то тянуло и жгло.

— А что-нибудь, чтобы сейчас легче стало? Мазь там, бинты?

— Бинтов точно не дадут, это такой дефицит! Да и стоить будет, как...

— Ботинки?

Шиш усмехнулся.

— За ботинки тебе точно дадут. Только сначала ботинки заберут. И вообще, запомни: никаких сделок не заключай без чётко оговоренных чисел. Размеры, количество, вес, цвет. Всё обговаривай, каждую деталь. Иначе договор зачтётся, даже если ты обменяешь ботинки на сантиметр бинта.

Он остановился возле развилки.

— Мне в другую сторону. Своё задание ещё делать надо.

— А как же отдых?

— Потом отдохну. Давай! У трубы увидимся.

Шиш поправил новую рубашку и ушёл. Я проводил его взглядом.

Вот ведь человек. Несколько часов махал рычагом, таскал железо и теперь пойдёт задание выполнять. А я уже мысленно прощался с обеими руками.

Я опустил взгляд на свои перчатки.

Снимать или не снимать?

Решил пока не снимать. Судя по ощущениям, вместе с ними могла сняться довольно важная часть меня.

Вызвал статистику. Интересно, задания от людей как-то фиксируются, или такие договорённости Мех игнорирует?

Выполнено заданий за цикл: 1.

Активные штрафы за цикл: 0.

Получено рационов за цикл: 1.

Получено уколов за цикл: 0.

Я ещё раз прочитал последнюю строчку.

Уколов.

А ведь точно! Бородач в Пуповине чем-то меня ткнул. Попрошайка говорил про лекарства и витамины. Значит, колют здесь не только при рождении. Иначе зачем под это отдельная строка?

Я сосредоточился на ней.

Получено уколов за цикл: 0.

Никаких пояснений. Попробовал мысленно раскрыть строку, как раскрывал само окно. Потом представил, что нажимаю на неё пальцем.

Ничего.

Ладно. Будем искать обычным способом. Ногами, пока они ещё работают.

Выступ нашёлся в боковом коридоре, за которым тянуло знакомым тёплым воздухом.

Я ещё не научился различать в стенах отверстия, выступы. Даже не так. Не научился обращать на них внимание, а зря.

Сначала заметил зелёный огонёк. Малюсенький светодиод, который издалека вообще не увидать. Подошёл. Отверстия никакого не увидел. Из стены просто торчал небольшой металлический прямоугольник. Над ним — уже привычный утопленный в металл глазок камеры.

Идентификация.

Секунду ничего не происходило. Я уже решил, что опять не туда забрёл, когда перед глазами появилась следующая надпись.

Медицинское обслуживание.

— Да! Вот это мне и нужно!

Зажмурившись, приложил ладонь к прямоугольнику. Больно.

Ничего не происходит. Вообще.

Чёрт, перчатка. Может, снять?

Стиснув зубы, я стянул перчатку и ужаснулся увиденному. С перчаткой содралась тонкая кожа, порвались мозоли. Руку обжигало и резало. Аккуратно, едва касаясь металла, приложил ладонь снова. Он оказался очень холодным, прямо ледяным.

Доступно уколов: 0.

— Почему ноль? Я ещё ни одного не получал!

Ответа не было, я обратился прямо в глазок:

— Руки мои посмотри. Вот они. Мне потом работать нечем будет!

Повертел ладонью перед глазком. Вся ладонь кровила, пальцы были содраны. Между лохмотьями порванной кожи поблёскивали влажные мозоли.

Доступно уколов: 0.

Замечательно. Медицинское обслуживание есть, но его нет.

Я убрал руку и прислонился плечом к стене.

Может, их тоже за задания выдают? Попрошайка говорил, что Мех лечит. Но не говорил, когда именно. Может, я должен тут подыхать, чтобы он понял, что мне больно?

Твою мать. Ну что за дерьмо. Вонючее грязное конченое дерьмо!

Постоял ещё какое-то время. Стиснув зубы, осторожно снял вторую перчатку и убрал обе в карман. Вторая рука выглядела не лучше. Приложил обе ладони.

Срань. Всё так же ноль уколов.

Ничего не оставалось, кроме как отвалить.

Что у меня там в планах было после лечения?

Имя.

Шиш ведь прав: надо как-то называться. Не могу же я всю жизнь откликаться на «свежий», «зелёный» и «придурок». Последнее здесь, как я понял, вообще не имя, а способ поддерживать разговор.

Пока удавалось обходиться без представлений. Но если завтра кто-нибудь спросит, что отвечать?

Своего имени я так и не вспомнил.

Попробовал перебрать несколько имён.

Андрей.

Максим.

Джозеф.

Гарри.

Ни одно ничем не отозвалось. С тем же успехом мог выбирать имя для чужого человека.

Я брёл в раздумьях, пока не услышал чей-то крик. Я и до этого слышал крики и возню, но теперь это прозвучало резко и близко.

— Не надо! Мужики, не надо!

Очнувшись от раздумий, я поднял голову, уже машинально отходя к стене.

Из прохода напротив вышли двое. Между собой они тащили третьего.

Вернее, один держал его под мышкой, второй волок за ремень штанов. Ноги покалеченного скользили по полу, пятки стучали на стыках плит. Рука болталась, время от времени цепляясь пальцами за воздух.

Одна рука.

На месте другой висел пустой рукав, стянутый выше локтя грязной верёвкой. Ткань ниже верёвки потемнела почти до черноты.

Мужчина пробовал подогнуть ногу, но колено тут же подламывалось, и он снова повисал.

Его протащили ещё немного.

— Не надо, парни! Я отлежусь! Всё заживёт! Одной рукой работать буду!

Я невольно посмотрел на пустой рукав. Заживать там явно было нечему.

Когда они остановились практически напротив меня, перехватывая и поднимая мужика, я попробовал вмешаться:

— Мужики, подождите!

Ближайший повернул ко мне голову.

— Отвали, придурок! Иди куда шёл!

— Вы куда его тащите? Он же раненый!

— А ты, судя по всему, тупой. Думаешь, мы не видим?

Второй тоже повернулся ко мне и выругался максимально невнятно, после чего они потащили бедолагу дальше.

Крики ещё какое-то время доносились из коридора.

Я пошёл следом.

За поворотом коридор расширялся. В правой стене был широкий проём, перед ним — невысокий металлический бортик. За бортиком пол резко уходил вниз.

Что-то вроде горки. Только без весёлых детей и лестницы сбоку.

Поверхность блестела от воды, тонкими струйками стекающей из канала во внутренней стороне бортика.

Двое остановились возле края.

— Не надо! — снова закричал раненый.

Тот, что держал мужика за ремень, подхватил его за штанину.

— Давай, на раз-два!

— Мужики, стойте! Я же нормальный! Я работать могу! Мы же с вами...

— Раз…

— Не-е-ет!

Его перевалили через край.

Мужчина ударился боком о металл, попытался ухватиться здоровой рукой, но пальцы скользнули. Раздался длинный скрежет подошв.

Он проехал вниз метра два и остановился на изгибе жело-

ба, навалившись животом на стенку. Единственная рука за что-то ухватилась. Я отсюда не видел, за что именно.

— Суки! — крикнул он снизу. — Чтоб вас самих!

Один из сопровождавших заглянул через бортик.

— Ну всё.

Они развернулись. Я отступил к стене, пропуская их.

Проходя мимо меня, «невнятный» сказал:

— Не очкуй, долго не провисит, скатится сам. Или подопнёт кто.

И оба ушли, переведя обсуждение на какую-то обыденную тему.

Охренеть...

Я быстро подошёл к бортику.

Мужик крайне тяжело дышал и ругался в перерывах между вздохами. Желоб был довольно протяжённым, метров через пятнадцать заворачивал, и дальше изгиба ничего не было видно.

Я присел.

— Эй! Я помогу!

Мужчина поднял голову.

Лицо серое. Губы мокрые, на щеке размазана грязь.

— Быстрее! Пальцев не чувствую уже!

Я огляделся.

Ни ремня, ни палки. Только я, стена и эта блестящая горка.

Можно было бы метнуться к Майки. У него оставались

ремни. Но я не был уверен, что найду его быстро, да и что мне, обратно штаны менять на ремень? Вряд ли в аренду даст. А этот мужик висел на мокром склоне и держался единственной рукой за стык двух листов.

— Ногу выпрямить можешь, чтобы оттолкнуться?

Он дёрнулся и зашипел.

— Нет! Не знаю, что с ней, больно! Не могу выпрямить!

До него было не так далеко. Если перелезть через бортик, зацепиться за него ногами и свеситься вниз, можно дотянуться.

Я примерился и проговорил:

— Только не дёргай меня. Слышишь? За руку возьмёшься, я потяну.

— Давай!

Я перекинул ногу через бортик. Потом вторую.

Металл оказался покрыт не просто водой. Под подошвой чувствовалось что-то скользкое, почти мыльное.

Так, на колени, ботинками в углубление бортика, центр тяжести переносится вперёд.

Я начал медленно опускаться, вытянув руку вниз.

Мужчина потянулся навстречу.

Пальцы соприкоснулись.

Я наклонился чуть сильнее, и он крепко ухватил меня за руку.

— А-ай!

Я почувствовал, как опять со жжением и резью разошлась

кожа, непроизвольно дёрнулся от боли — и нога поехала.

— Твою…

Я ударился подбородком о желоб, попытался перехватиться рукой за бортик, но рука просто шлёпнула по металлу.

Не понял, в какой момент я выпустил руку мужика, но, когда опомнился, мы уже скользили наперегонки.

Через несколько метров мы плавно остановились, замерли, балансируя перед следующим скользким спуском ещё ниже.

Рядом хрипел мужик. Я успел схватить его за штанину и попытался подтянуть ближе к себе, так как он начал переваливаться дальше.

Несколько секунд мы барахтались, но неизбежно сползли к скату и поехали на жопах дальше.

Так мы скользили ещё какое-то время, иногда пролетая мимо стоящих у бортика людей. Из-за собственного дыхания и хрипа я не слышал, что они говорили, но пару раз доносилось ржание и какие-то оскорбительные выкрики.

Внезапно желоб закончился, и мы свалились в неглубокую металлическую яму.

Сначала он. Потом я почти на него.

Мужик закряхтел подо мной:

— Дерьмо собачье...

Я привстал, упёрся локтем в пол и поднял голову.

Сверху на нас лилась тёплая вода.

Я зажмурился, отплевался и, начав подниматься, замер.

Запах.

Тот самый. Как в душе после пробуждения.

Цветы. Что-то мягкое, приятное…

Ромашки?

Почему-то теперь подумалось именно о них. Тёплая вода с ромашками. Очень заботливо.

Пока я жмурился, мужик попытался встать, проговорив уже мне:

— Благодарить я тебя точно не стану, понял? Нехрен было лезть тебе.

Спорить было трудно.

Я бросил взгляд вниз. Пол под нами был вогнутым и наклонным. Удержаться удавалось, только упираясь ногами в боковую стенку.

Вода стекала по штанам, попадала в ботинки. Наверное, это даже плюс: помыться мне точно было нужно.

— Обратно мы уже не...

Мужик не устоял и, подскользнувшись, плюхнулся на задницу и покатился дальше.

Я присел и, вздохнув, расслабил ноги.

На этот раз ехали недолго.

Нас вынесло на прямоугольную площадку. Мужчина остановился на боку, я проехал ещё немного и ткнулся плечом в стенку.

Вода уходила под решётку. Над головой гудела вентиля-

ция.

Почему мужик так спокоен? У него нет руки. Оторвана или отделена каким-то иным способом — не знаю. Что-то с ногой. По моим представлениям, он должен быть без сознания, но он умудряется вставать и сохраняет ровный тон речи. Стресс или адреналин?

— Тебя как зовут? — обратился я к мужику.

— Аффет.

— Аффет? С двумя «фэ»?

— С двумя. Ох, чёрт... гниль!

Мужик в сердцах стукнул здоровой рукой по стене.

Перед глазами возникла надпись.

Идентификация.

— И тебе привет…

Новое задание: Транспортировка брака.

Я замер.

Аффет.

Получение: Площадка приёма корпуса 85.

Доставка: Медицинский стол 3 корпуса 85.

Отказ невозможен.

Подождите.

Я сел, морща лоб.

Автоматическое принятие через: 04:59.

Цифры изменились.

04:58.

Вот это было что-то новенькое. Отказ от задания невоз-

можен.

04:55.

Мужчина снова пошевелился, крякнул и присел.

— На меня пришло? — спросил он.

Мокрый, с пустым рукавом, скорчившийся на решётке, сурово смотрит прямо мне в глаза.

Сурово. Впервые я обратил внимание, что мужик взрослый, ему под пятьдесят примерно. Седой, лицо ещё подтянутое, но под глазами и подбородком кожа провисает.

Получение: Площадка приёма корпуса 85.

— На тебя задание пришло.

Он закрыл глаза.

— Ну вот и всё.

Я снова уставился в надпись. Всё ещё больше четырёх минут.

Я прошёл вглубь.

Небольшая площадка, решётка для стока воды, широкий выход напротив. Над ним горели цифры. Восемьдесят пять. Под цифрами стрелка вниз.

Вернулся к раненому.

— Идти можешь?

— Да, но не быстро.

Он опёрся на здоровую руку, с хриплым вздохом встал и выпрямился так, что я стал ощущать себя ниже ростом на голову. Даже не ниже — меньше!

Но его тут же качнуло, и он снова сгорбился, заваливаясь

к стене. Я подхватил его под спину и помог перекинуть здоровую руку мне через плечо.

— Держишься?

— Вроде.

Мы постояли.

С него капало.

Вода стекала по пустому рукаву и падала на решётку тонкой розоватой струйкой. Похоже, он потерял много крови. Слабел буквально на глазах.

— Как руку-то потерял? — спросил я, делая первый шаг.

— На ленте. Деталь поправлял, между пластинами встала. Ремни соскочили, втянув руку под сегмент.

Он говорил коротко, с паузами. Воздуха ему уже не хватало, чтобы говорить и дышать одновременно.

— И это было под камерой?

Я уже догадался, что было дальше. Камера увидела полученную травму, тут же выдала задание двум другим работягам доставить брак в... куда? Сюда? Видимо, сюда.

Тем временем мужчина продолжал:

— Ты не подумай, когда ты свесился там помочь, я был тебе благодарен. Да и сейчас благодарен, по сути. Возьми вот. Это в благодарность.

Я помог ему прислониться к стене. Освободив здоровую руку, он расстегнул пряжку и вытащил ремень из шлёвок. Протянул мне. Ремень выглядел почти новым — куда новее нашей одежды. Блестящий, с начищенной бляхой. Я по-

чему-то решил, что это военный ремень. Я пропустил ремень через шлёвки и застегнул, стараясь работать кончиками пальцев. Движения получались привычными, машинальными. Интересно, может, я был военным? Хотя ремень застегнуть — не винтовку разобрать.

Перед глазами оставалось меньше минуты.

— Там тебя лечить будут?

Аффет молчал, прикрыв глаза.

— Эй! Не отключайся!

Он потёр лицо здоровой рукой, отстранившись от стены.

— Я работать могу и так. У меня штрафов почти не было. Дело своё знаю, да и Мех мне выдаёт задания, которые я точно сделаю хорошо. Получше многих!

Я не знал, что на это ответить.

— Может, новую руку поставят, всё же я не критически травмирован.

Я молча кивнул, а он продолжил:

— А могут и в консерву превратить. Ждать оставят, пока рука появится. Если решат, что стоит чинить — починят. Быть консервой страшно. Можно годами висеть, ожидая каждый цикл, что сегодня тебя или починят, или пустят на запчасти.

Я хотел переспросить, но таймер обнулился. Задание принялось автоматически — ровно через пять минут после выдачи. Перед глазами появилась надпись:

Транспортировка брака.

Медицинский стол 3 корпуса 85.

Я посмотрел на закрытую дверь с большой жёлтой тройкой.

Аффет улыбнулся:

— Ремень береги мой!

За открывшимся проходом находился зал. Светлый, тёплый, с белёсыми стенами. Впервые за всё время я увидел столько поверхностей, не похожих на голый металл. То ли пластик, то ли какой-то композит. Во всяком случае, на голый металл это не походило.

Мы шли. Иногда Аффет цеплялся за моё плечо, иногда останавливался, переводя дыхание. Под ногами тянулись узкие полоски света. Все в одну сторону.

Посередине стояли три стола.

Два пустых. Третий подсвечивался зелёным по краю.

Рядом — невысокая ступенька.

— Этот, — сказал я, — третий.

Последние шаги до стола он сделал без моей помощи. Шёл уже на автомате, глядя не перед собой, а куда-то неизмеримо дальше. В пустоту.

Я помог ему забраться. Он сел на край, подождал немного, потом сам поднял ноги и лёг на спину.

Здоровую руку положил на живот.

Пустой рукав остался свисать. Я осторожно подобрал его и уложил рядом. Хрен знает, какой тут нужен ритуал, чтобы задание было засчитано.

Он смотрел в потолок.

— Ты им скажи, — вдруг произнёс он.

— Что?

— Что я сам дошёл. Ноги работают. Голова тоже.

Я поднял взгляд к маленькому глазку над столом.

— Ты же слышишь, железяка? Он сам дошёл. Руку ему надо. Только руку починить, остальное нормально!

Мужчина закрыл глаза.

По бокам стола щёлкнуло. Я отступил.

Задание выполнено.

Начислен рацион: 1.

Начислено уколов: 1.

Я перечитал последнюю строку.

Лекарство для моих ладоней!

У дальней стены разошлись створки. Стол тихо загудел и двинулся к ним по направляющим в полу.

— Эй, — окликнул я мужчину.

Он повернул голову.

Я хотел сказать что-нибудь хорошее. Что всё будет нормально, что ему помогут, но смог родить только сухое пожелание:

— Удачи тебе.

Он чуть кивнул, а я провожал его взглядом, наблюдая, как он въезжает в какое-то очень большое помещение.

Стол пересёк порог.

Что за...

Я подошёл ближе к створкам, оставаясь снаружи.

Сначала показалось, что там висят какие-то мешки. Светлые, длинные, рядами. Между ними проходили тонкие трубки.

Потом один мешок повернул голову.

Человек!

Он висел вертикально в широких креплениях, поддерживавших грудь и таз. Ног ниже колен я не увидел. Соседнее тело было целым, по крайней мере с той стороны, которая просматривалась из зала. Ещё дальше кто-то покачивался, упираясь плечом в соседа.

— Новенький! — донёсся голос. — Мужики, к нам новенький!

— Однорукий, что ли? — послышалось сбоку.

— Мясо приехало! Мясо! — раздался женский голос откуда-то сверху.

Кто-то засмеялся.

Я стоял, не двигаясь.

— Слышь, дед! — позвал другой. — Если мою правую предложат, отказывайся. У меня она вечно чужое хватала!

Снова смех. Один из подвешенных закашлялся.

— Да заткнитесь вы, я анекдот не закончил! Короче, приходит мужик к врачу…

— Эй, новенький, ты откуда такой?

Створки начали сходиться, приглушая голоса.

За ними ещё кто-то говорил. Женский голос попросил со-

седа перестать раскачиваться. Тот ответил, что у него спина чешется.

Щель сузилась.

Я успел увидеть лицо Аффета. Он смотрел куда-то влево. На лице застыло непонятное мне выражение, но я бы расценил его как испуг.

Потом створки закрылись.

Меня затошнило.

Не резко. Сначала во рту появилась слюна, потом живот сжался. Я согнулся, упёрся предплечьем в стену и несколько раз сглотнул. Неужели от увиденного? В ушах нарастал шум. Казалось, ещё чуть-чуть — и я потеряю сознание.

За стеной продолжали разговаривать.

Слов было уже не разобрать, но один голос отчётливо рассмеялся.

Я смотрел на чистый пол.

Это какой-то сюрреалистический бредовый сон.

Люди, они там висели, как мясо на бойне.

Смеялись, рассказывали анекдоты.

Тошнота отступила. Я выпрямился. Вдохнул.

На противоположной стене загорелась полоска над дверью. Створка отъехала в сторону, открывая узкий проход.

Долго меня упрашивать не надо. Я направился к открывшемуся проходу.

Возле площадки приёма что-то загремело.

Повернул голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как из

желоба вывалился человек. Прокатился по решётке и остался лежать лицом вниз.

Следом появился второй.

Ударился плечом о бортик. Его голова дёрнулась и замерла возле чужих ног.

Я замер, всматриваясь.

Оба мокрые. С одежды текла вода. Один лежал с подвернувшейся кистью, второй — на боку, запрокинув лицо.

Никто не шевелился.

Взгляд сам собой метнулся к глазку под потолком.

— Этих я не понесу!

Ноги понесли меня сами. Одним прыжком я оказался в коридоре и очень быстро зашагал вперёд.

Может, им уже не помочь. Может, они просто без сознания.

Навстречу мне шёл угрюмый работяга в обрывках одежды. Тупик с одной-единственной дверью. Похоже, он идёт туда. Может, задание уже упало ему.

Доставка брака...

Обратная дорога мне почти не запомнилась.

Лестница. Коридор. Люди с какими-то верёвками. Кто-то выругался, когда я встал у него на пути. Я отодвинулся, ничего не отвечая и даже не поднимая глаз.

Вызвал статистику.

Выполнено заданий за цикл: 2.

Активные штрафы за цикл: 0.

Получено рационов за цикл: 1.
Получено уколов за цикл: 0.

Ноль.

Укол я ещё не получил. Только право на него. Выходит, в статистике считали только полученные награды. Начисленные, но не забранные, сюда не попадали.

Надпись о начисленном уколе оставалась рядом с выполненным заданием.

Нужно не забывать забирать награды.

Я достал перчатки из кармана. Ромашками запахло. Обратил внимание, что и перчатки, и штаны с ботинками были практически чистыми. Где-то остались тёмные пятна, но это уже можно было носить!

Шиша у трубы не было. На моём месте спал незнакомый мужчина, отвернувшись к стене. Я нашёл свободный клочок пола подальше, опустился и привалился плечом к тёплому металлу.

Достал каплю. Проверил свёрнутый уголок. Не протекла.

Поставил рядом.

Снять ботинки удалось не сразу. Пальцы слушались плохо, шнурки намокли и затянулись. Я возился с ними, пока не начал тихо материться сквозь зубы.

Зато было чем заняться.

Пока развязывал, можно было не думать.

Снял первый ботинок. Потом второй. Из одного на пол вылилось немного воды. Стянул мокрые носки и разложил

рядом сушиться.

Сел, обхватив колени предплечьями.

У меня был один неиспользованный укол.

Я закрыл глаза.

Аффет просил «им» сказать, что ноги работают. Что голова целая. Словно надеялся, что я смогу за него поручиться перед кем-то.

За стеной у трубы что-то глухо стукнуло. Рядом заворочался спящий грязный толстяк. Неужели на рационах отъелся? Или родился жирным?

Родился...

Я потёр лбом колено. Какого чёрта. Я что, уже мыслю местными категориями?

Нет, нет и ещё раз нет! Что за бредовый, абсурдный мир? Абсурдный, стрёмный, бредовый, дерьмовый мир!

Нужно отсюда выбираться. Что бы для этого ни понадобилось, мне нужно сваливать.

Пойду я один или найду соратников — неважно.

Валить! Пока не знаю как, но обязательно узнаю.

В конце концов сюда есть вход! Если узнать, откуда сюда попадают люди, можно выбраться тем же путём?

Валить!

Для начала — перестать слоняться наугад. Пора учиться, запоминать проходы, смотреть, что и куда возят. Изучать опасные слепые тропинки и надёжные маршруты. Общаться.

Я снова посмотрел на ладони.

И лечиться.

Вставать не хотелось. Но идти за уколом всё равно придётся. Немного пошевелив пальцами на ногах, натянул ещё влажные носки.

Пока надевал ботинки, мысли сами собой вернулись к имени.

Как назваться?

Нужно имя, короткое и понятное. И ещё, раз по имени могут выдать задание, а задание на доставку брака мне упало именно после того, как Аффет назвался, нужно следить, кому его называю.

Сейчас почти никто из прохожих не обращал на меня внимания. Всем плевать на меня, и это очень даже на руку!

Обязательно ли имя должно быть общепринятым? Майки, Шиш, Саймон.

Шиш... что это за слово такое вообще.

А могу я назваться, например, Призрак?

Я беззвучно шевельнул губами, представляя ситуацию:

— Эй ты, мразь, запомни, меня зовут Призрак!

Перед глазами тут же возникла надпись от Механизма.

Идентификационная фраза «Призрак» занята и недоступна для использования.

Я поднял голову к камере:

— Чего? Ты услышал, что ли, хлам железный?

Ага, этого мне попрошайка не сказал. Утаил от меня, что имена не просто используются для общения, а где-то учиты-

ваются. Получается, имена уникальны.

Несколько секунд я смотрел на надпись.

Потом снова посмотрел на камеру.

Шар медленно плыл по направляющей. Синий огонёк не горел.

Что ещё эта штука умеет подхватывать?

Призрак, значит, нельзя.

А если иначе?

Фантом? Нет. Слишком уж торжественно.

Извилины в голове зашевелились. Я поднялся на ноги, потоптался, расправляя ноги в ботинках, зашагал по коридору.

Я хочу быть скрытым, незаметным, всезнающим и вездесущим. Быть нигде и везде одновременно.

Попробовал вытащить из памяти что-нибудь ещё.

Гейст, Рух, Шедо, Скай... Всё не то.

Нужно короткое, запоминающееся имя. Можно произнести, не набирая полную грудь воздуха.

А что, если так?

Я повернулся лицом к уже отдалившейся камере и произнёс:

— Эй, железяка тупая, слушаешь? Моё имя — Ратибор.

Идентификационная фраза «Ратибор» закреплена, объект: 958451

Подтвердить: Да, Нет.

Конечно, да!

— Вот и уясни себе там! — крикнул я, ускоряя шаг.

Ратибор.

И сократить можно: Рат. Для своих — Рат, для дебилов — Ратибор, а для тех, кому не хочу называться, — Бор. Тогда на меня не смогут пожаловаться Меху, дескать: «Злой и грозный Бор меня обижает!», а тот просто не сможет понять, кто такой этот Бор.

Надеюсь, так и будет.

Глава 7

Зелёный огонёк горел на прежнем месте. Я остановился перед глазком и осторожно приложил ладонь к холодному металлу.

Идентификация.

Медицинское обслуживание.

Доступно уколов: 1.

— Ну наконец-то.

Из нижнего края прямоугольника выдвинулся короткий металлический усик. Я заметил его, когда он уже коснулся запястья.

Укололо.

Не сильно. После всего, что сегодня было с руками, я бы, наверное, и не почувствовал, если бы не смотрел прямо туда.

Усик убрался. Внутри что-то щёлкнуло.

Доступно уколов: 0.

Я подождал.

Потом повернул кисть. Растопырил пальцы.

Больно.

— И всё?

Глазок молчал.

Ладно. Не может же кожа вырасти за одну секунду.

Хотя я, честно говоря, был бы не против.

На обратном пути забрал рацион. Выступ для еды при-

шлось поискать, но с ним хотя бы уже знал, что делать. Дождался знакомой металлической ладошки, подхватил пельмешек и убрал в карман.

Первый собственный запас еды.

Есть пока не хотелось. Наверное, после медицинского зала аппетит ещё не вернулся.

Зато захотелось спать. Да так сильно, что на меня волнами начала накатывать какая-то пелена.

У трубы я нашёл своё место свободным. Сел, снял ботинки и положил рядом. Носки тоже стянул, чтобы просохли окончательно. Перчатки расправил на тёплом металле, насколько позволили пальцы.

Под ладонями понемногу разливалось странное тепло. Не от трубы. Жжение ещё оставалось, но уже не такое острое.

Я присмотрелся к краю лопнувшей мозоли.

Показалось, или кожа стала суше?

Проверять пальцем не стал.

Лёг на бок, подтянул колени. Пакет с водой и рацион устроил между собой и трубой, ботинки придвинул поближе к голове.

Глаза закрылись сами.

— Да чтоб ты подавился! Слышишь?!

Я дёрнулся и ударился коленом о трубу.

Спросонья решил, что опять что-то надо держать, тащить или ловить. Попробовал приподняться на локте и запутался в собственных ногах.

Голос Шиша.

Я сел.

Я начал смещаться в сторону, ёрзая на заднице. Между трубами и людьми я сперва не успел разглядеть кричащего, а потом сфокусировался.

Шиш стоял у стены и смотрел в проход за углом.

Без рубашки.

Я моргнул. Протёр глаза тыльной стороной кисти.

Да. Без той самой плотной серой рубашки, которую он вчера получил от Майки.

— Шиш?

Он резко обернулся.

Потом лицо у него изменилось. Появилась привычная ухмылка.

— О, проснулся! А я думаю, чего это тут храпят так, что труба дрожит.

— Я храплю? Да быть не может!

— Ага. Труба сама трясётся.

Я посмотрел в проход.

— С кем ругался?

— Да ни с кем.

— Громко ты ни с кем разговариваешь.

— Забей. Бывает. Развелось умников.

Он наклонился к своему месту, что-то поправил среди тряпок. На шее, чуть ниже уха, темнело пятно. На плече — ещё одно, побольше. Как будто его крепко схватили и хоро-

шенько встряхнули.

— А рубашка где?

Шиш выпрямился.

— Нету.

— Это я заметил. Ты же её только получил.

— Ну получил. Теперь нету. Чего тут обсуждать?

Он сел на корточки, потёр нос и посмотрел на мои ботинки.

— Ты-то как?

— Уже хорошо.

Я пошевелил пальцами.

И только сейчас понял, что именно изменилось.

Они сгибались!

Не совсем свободно, кожа тянула, но вчера от такого движения я бы уже матерился. На ладонях вместо мокрого красного месива была тонкая розовая кожа. По краям ещё торчали обрывки старой, кое-где остались тёмные полоски.

Я осторожно сжал кулак.

Получилось.

— Укол взял, — сказал я.

— А-а... его же не дают просто так...

Он уставился на меня, а я, подмигнув, снял с трубы перчатки. Сухие и жёсткие. Труба иссушила их полностью. Говорить про то, как я доставлял Аффета, не хотелось, поэтому я перевёл тему:

— Слушай, я имя придумал.

Он поднял голову.

— Да ладно? И как?

— Ратибор.

Шиш помолчал. Потом прищурился.

— А покороче ничего не было?

— Для тебя Рат.

— Во! Уже лучше. Рат так Рат.

Он протянул руку, потом увидел мои ладони и вместо рукопожатия ткнул кулаком мне в предплечье.

— Ну, с именем тебя.

— Спасибо. А теперь расскажи, что случилось.

Улыбка у него пропала.

— Ничего критичного.

— У тебя шея синяя, и плечо.

— Давай не надо об этом. Зачем тебе эти головняки?

— Рубашку отобрали?

Шиш сжал губы. Секунду смотрел мне в глаза, потом отвёл взгляд.

— Сказал же, ничего критичного. Давай, собирайся. Задание получать пора.

Я уже открыл рот, но он не дал мне сказать, чуть ли не прыжком вставая.

— Да что ты пристал-то? Сам разберусь!

У трубы стало тихо. Даже спавший неподалёку толстяк приоткрыл один глаз.

Шиш постоял, переступая с ноги на ногу.

— Я пошёл. Мне работать надо.

— Подожди…

— Не лезь не в своё дело! Понял?

Он ушёл так быстро, что я даже ботинки надеть не успел. Я собрал свои вещи, сделал глоток из капли. Подавил соблазн сделать второй. Натянул просохшие носки, обулся.

Камера нашла меня у ближайшего широкого прохода.

Синий огонёк. Короткая остановка шара над головой.

Идентификация.

Новое задание: Проверка перекрытий.

Получение: Блок 31.

Место выполнения: Блок 31.

Выполнение: Да, Нет.

Перекрытий.

Это у нас что? Потолок? Пол? Или мне сейчас предложат залезть в такую щель, где даже мышь застрянет?

Я посмотрел на свои руки.

Вчерашнюю работу я бы ими точно не повторил.

Да.

Задание принято.

Тридцать первый блок нашёлся быстро. По дороге я дважды остановился у поворотов, стараясь запомнить, откуда пришёл.

Широкая труба с тремя хомутами. За ней развилка. Потом низкая перемычка над головой.

Запоминать оказалось не так уж просто. Трубы, хомуты и

перемычки здесь явно делали с запасом.

В самом блоке никого не было.

Прямоугольный зал с четырьмя рядами напольных плит. У стены — выступ с инструментом. Над ним горел зелёный огонёк.

Идентификация.

Выдача объекта 7194.

Из щели выдвинулась длинная железяка.

Я взял её, сразу перехватив поудобнее. На одном конце — плоская рукоять. На другом загнутый раздвоенный нос, как у гвоздодёра.

Объект 7194 закреплён за исполнителем.

Назначение: Блок 31.

— С этим понятно. Дальше что?

Над ближайшей плитой зажглась тонкая полоска света.

У её края виднелась прямоугольная прорезь. Как раз под загнутый конец инструмента.

Вставил. Осторожно нажал.

Плита приподнялась.

Не целиком: дальний край остался на петлях, а ближний пошёл вверх. Я ещё немного опустил рукоять, и под плитой щёлкнул упор.

Держит.

Я заглянул внутрь.

Труба. Толстый жгут проводов. Металлические рёбра, уходящие в стороны. Немного пыли и какой-то мелкий му-

сор.

Наверху проехала камера. На секунду задержалась над открытым участком.

Полоска у соседней плиты загорелась зелёным.

Значит, следующая?

Я надавил рычагом на упор, опустил первую плиту и перешёл дальше.

Под второй было почти то же самое. Под третьей — ещё одна труба, потоньше.

Ничего таскать никуда не требовалось.

Вот это уже подходящая работа!

Я натянул перчатки. Рукоять всё-таки давила на ладонь, а испортить то, что укол только начал чинить, не хотелось.

К четвёртой плите приноровился. Подцепить, нажать, посмотреть. Подождать, пока глазок проплывёт сверху. Опустить.

Даже начал думать о всяком.

Например, о Шише.

Сам с собой он точно не ругался. И рубашку не просто так куда-то дел.

Шиш умел пристраиваться к работе, торговался, смеялся. А сейчас с него как будто содрали всё это разом, вместе с обновкой.

Я поднял следующую плиту.

И встретился взглядом с... кем?

Сначала даже не понял, что это. В тесном пространстве

под полом шевельнулось что-то серое, большое и живое.

Потом увидел морду. Усы. Голые круглые уши.

— Ох ты ж…

Крыса сидела поперёк жгута проводов. Передними лапами придерживала один из них. Возле пасти торчали растрёпанные жилки.

Крыса перестала жевать.

Я тоже замер.

Мы посмотрели друг на друга.

Она была здоровенная.

Не «хорошо питалась», а натурально размером с мелкую собаку. С таксу, наверное. Только вместо длинных ушей — жёлтые зубы, а сзади ещё хвост. Толстый, голый, уходящий куда-то под соседнюю плиту.

— Брысь!

Крыса дёрнула носом.

— Я кому сказал!

Она приподнялась на задних лапах.

Я тут же отступил.

Обсуждать с ней, кому принадлежит этот участок пола, не хотелось. Я был с железной палкой, она — со всеми зубами. И по взгляду было заметно: зубами пользоваться умеет.

Схватился за рукоять покрепче и стукнул по краю открытой плиты.

Грохнуло на весь зал.

Крыса метнулась вбок. Я успел увидеть серую спину, тол-

стый зад и длинные задние лапы. Когти царапнули металл. Хвост хлестнул по трубе и исчез в темноте.

Ещё пару секунд под полом что-то шуршало.

Потом затихло.

Я осторожно подошёл, держась подальше от края.

На месте крысы остался изуродованный провод. Изоляцию разлохматило, несколько тонких жил висели отдельно. Рядом валялись кусочки серой оболочки.

— Эй! — Я поднял голову к камере. — Тут повреждение. Вон, провода перегрызены!

Глазок остановился над открытой плитой.

Я указал концом инструмента, не касаясь самого жгута.

— Видишь? Это крыса. Здоровая такая. Я её прогнал.

Синий огонёк мигнул.

Камера повисела ещё немного, потом двинулась дальше.

А следующая полоска стала зелёной.

Ну ладно. Моё дело показать.

Плиту опускал осторожно. Всё ждал, что из щели высунется морда и мне объяснят, как здесь принято пользоваться дверью.

Остальные плиты я открывал уже без прежнего удовольствия. Держал ноги подальше от щели и сначала стучал по металлу, а потом заглядывал.

Под двумя обнаружил мусор. Под одной — обрывок ткани, протащенный через узкую щель. Ещё где-то скреблось, но никто не показался.

Когда опустил последнюю плиту, перед глазами возникла надпись.

Задание выполнено.

Начислен рацион: 1.

Я выдохнул.

Потом посмотрел на инструмент.

— Это обратно?

У выступа загорелся знакомый огонёк.

Я вставил железяку в паз, подождал, пока её потянет внутрь, и только тогда разжал пальцы.

Руки выдержали. Немного ныли, но кожа не разошлась.

Хороший всё-таки укол. Очень хороший.

Еду выдавали здесь же, у дальней стены.

Я дождался пельмешка и собирался уже уходить, когда в проходе появились трое.

Двое несли узкий ящик с ручками по бокам. Третий катил небольшую тележку с катушкой провода.

Все в комбинезонах.

Я даже остановился.

Плотная ткань. Рукава. Карманы на груди и на штанинах. У одного на колене — большая прямоугольная нашивка, у другого штанины были стянуты поверх ботинок.

Ни клочка голого живота, ни болтающихся тряпок.

Вот что мне нужно.

Один из работников поднял голову к камере, потом посмотрел в сторону плиты, где сидела крыса.

— Здесь?

Я кивнул.

Он прошёл мимо, достал из ящика короткий рычаг и подцепил нужную плиту. Второй уже разматывал провод. Третий присел возле ящика с инструментами.

Никаких лишних вопросов.

Я посмотрел на комбинезон ближайшего.

— А такую одежду где берут?

Тот даже не обернулся.

Ну и ладно.

Пельмешек лежал на ладони. Я повертел его, понюхал.

Живот не отозвался.

После сна и укола чувствовал себя вполне прилично. Не бодрым настолько, чтобы опять махать тяжёлым рычагом полдня, но есть прямо сейчас не требовалось.

Убрал рацион в карман к первому.

Два.

Один за Аффета, второй за плиты.

Я осторожно нащупал оба через ткань. Лежали целые, не мялись.

Может, за них можно что-нибудь получить? Рубашку? Хорошие перчатки? Хотя бы узнать, сколько стоит комбинезон, прежде чем мне предложат обменять на него ноги.

Шиш ведь сказал: если не голоден, береги.

Вот и поберегу.

К трубе я решил не идти.

Для начала свернул туда, где ещё не был.

Потом ещё раз.

Старался держаться широких проходов, но несколько раз заглянул и в узкие. Один закончился глухой стеной. Второй вывел обратно в зал, который я только что обошёл с другой стороны.

Я вернулся к развилке и попробовал пройти иначе.

Снова тот же зал. Только теперь вошёл с противоположного края.

У большой трубы на стене обнаружилась старая вмятина, похожая на длинный косой порез. Её и выбрал ориентиром. От неё пошёл прямо, считая повороты, которые оставлял справа.

Дальше повторилось то же самое: длинный коридор, поворот почти под прямым углом, ещё коридор. Внутрь уходили проходы, снаружи тянулась глухая стена. Ни окон, ни щелей, в которые можно было бы заглянуть.

Бродил я так пару часов точно.

Когда вернулся к той самой трубе с косой вмятиной, остановился.

Обошёл кругом.

Точнее, прямоугольником.

Две стороны заметно длиннее двух других. Внутри — коридоры, залы, блоки, переходы. Те самые проходы, которыми я уже несколько раз срезал дорогу.

Я попробовал представить всё это сверху.

Большой прямоугольный участок, нарезанный помещениями и проходами. Не ровная решётка: где-то коридор изгибается, где-то упирается в зал, где-то две дорожки сходятся в одну.

Но общий край я, похоже, всё-таки нащупал.

Может, один корпус. Может, часть чего-то большего. Выводить отсюда устройство всего мира я пока не собирался.

Хотя очень хотелось найти край уже окончательный. С дверью. И надписью: «Выход для тех, кому здесь не понравилось».

Вместо двери нашлась лестница вниз.

Широкая, с низкими ступенями и гладкими поручнями. Снизу доносился гул, потяжелее здешнего. По лестнице поднимались двое с длинным узким коробом. Пришлось прижаться к стене, пропуская их.

Я спустился на несколько ступеней.

За нижним проходом мелькали люди. Свет там был тусклее. Вдоль потолка шли трубы толщиной с меня.

Дальше не полез. Сейчас бы здесь разобраться.

Потом обнаружил и подъём. На другой стороне прямоугольника, за блоком с белой цифрой семь.

Наверху виднелся обычный коридор. Никакого неба.

С нумерацией тоже яснее не стало. Между седьмым и девятым нашёлся сорок второй. За восемнадцатым — двадцать шестой, а потом проход без цифр вообще. Я специально прошёл обратно, проверяя, не пропустил ли что-то.

Не пропустил.

Или номера давали по мере того, как всё это строили, или они означали что-то совсем другое. А может, тот, кто их развешивал, был шизанутым в край придурком.

На обратном пути ноги начали уставать. Во рту пересохло. Пришлось остановиться у стены, достать каплю и сделать несколько небольших глотков.

Воды оставалось меньше половины.

Нужно думать, как не остаться с двумя порциями еды и без единственного глотка.

В одном из помещений я наткнулся на целую группу людей.

Человек восемь стояли неровным строем. У всех в руках одинаковые короткие дубины: тёмные рукояти, утолщение на конце. У двоих поверх штанин были намотаны полосы плотной ткани.

Перед ними ходил мужик с выбритой головой.

Сразу понятно — Командир.

Само слово возникло сразу, едва я увидел, как он останавливается напротив каждого и смотрит в лицо.

— По одному не лезем, — говорил он. — Ещё раз повторяю для тех, кто слушает задницей. На звук уходят, а потом заходят сбоку. Поэтому смотрим не только перед собой.

Я притормозил возле стены, прислушался.

— Не надо по одному за каждой тварью носиться. Первая пара держит проход. Остальные работают вдоль стен. Если

кому-то откусят член, будет наказан ещё и от меня лично!

Один из стоящих поднял дубину и покрутил в руке.

— А чего ноги-то мотать? Жарко же.

Командир повернулся к нему.

— Сзади над пяткой пощупай. Есть такая тугая штука?

Мужик хмыкнул.

— Ну есть.

— Вот её тебе и перекусят. Потом будешь лежать и спрашивать, чего нога не работает.

Ахиллово сухожилие.

Слово всплыло в памяти так легко, словно я только этого вопроса и ждал.

Мог бы ещё собственную биографию так вспоминать, да? Мог бы?

— Крысы низко идут, — продолжал командир. — Под руку не подставляются. Под ноги кидаются. Вцепилась — сразу орёшь, сосед сбивает. Когтями тоже располосует, не думайте, что у неё только зубы.

Я посмотрел на свои ботинки.

Значит, крысы.

Под плитой крыса тоже сначала приподнялась. Не испугалась. Прикидывала, наверное, как удобнее до меня добраться.

Очень хорошо, что я не полез тыкать в неё железякой.

— За работу платят только тем, кто домой на двух ногах вернётся. Так что слушаем, что говорят, и не геройствуем.

Слово «домой» почему-то зацепило.

Тут у всех свои места для сна, лежанки, а они уже «домой».

Я оттолкнулся от стены и пошёл дальше, стараясь не держаться слишком близко к людям.

На площадке опять зазывали работников.

Мужчина на перевёрнутом ящике тряс над головой свёртком ткани и орал, что ему нужны двое без вопросов и с целыми руками.

Руки я как раз только получил обратно.

Отдавать первому встречному не хотелось.

Майки стоял примерно там же, где в прошлый раз. Возле ног — мешок с вещами, рядом длинная тележка.

— Четыре человека! Прочистка труб! Кто не боится испачкаться — сюда!

Я остановился.

Испачкаться.

После вчерашнего желоба я уже имел некоторый опыт.

— Насколько испачкаться?

Майки узнал меня и приподнял брови.

— О, привет, новичок. Ботинки не жмут?

— Нормальные ботинки. Что за трубы?

— Отводные. Открываем люки, снимаем налёт, выгребаем, что скопилось. Щётками, тряпками. Поднимать почти ничего не надо.

Я ещё раз сжал и разжал пальцы.

Ладони тянуло, но не жгло.

— Платишь чем?

— Смотря что хочешь.

— Рубашку. Или куртку. И воду.

Он усмехнулся.

— Куртку ему. Рубашку найду, куртку не обещаю. Воды нет. — Он хотел ещё что-то добавить, но что-то у него в голове щёлкнуло, и он с открытым ртом повернулся к мешку.

Порылся внутри и вытащил сложенную тёмную рубаху.

Плотная. На локте аккуратная заплата. Ворот целый, оба рукава на месте.

Я потянулся к рубашке, чтобы примерить, но он её тут же свернул и кинул обратно в мешок.

— Охренел? Руки свои куда тянешь? Может, ты ими в жопе ковырялся!

Майки посмотрел на меня с укоризной.

— Трогать можно только по окончании работы. А так, я тебе всё показал.

— Воды точно нет?

— Точно нет. Да и слышь, хорошая рубашка за одну прочистку — тоже роскошно!

— Хорошо, я согласен.

Спорить я не стал, Майки мне понравился, хоть и не сразу. Деловой мужик.

Он что-то сказал другому мужику, а потом повернулся ко мне.

— А Шиш где? Не пойдёт?

— Своё задание делает.

— Ясно. Подожди вон там, ещё людей доберу.

Я отошёл к тележке.

Первые двое подошли почти сразу. Один долго торговался за штаны, второй только спросил про воду и тоже согласился. Последний появился, когда Майки уже начал раздражённо оглядывать площадку.

Широкоплечий, с большой тряпкой, повязанной вокруг головы.

Спросил, сколько люков. Выслушал ответ. Кивнул.

— Ну всё, — сказал Майки. — Пошли.

Я уже взялся за край тележки, когда сзади донеслось:

— Майки! Стой!

Шиш бежал через площадку, придерживая рукой сползающий пояс.

Увидев меня, он на секунду замедлился. Потом снова ускорил шаг.

— Мне место есть? Я только закончил!

— Нету, — ответил Майки. — Набрал уже.

— Майки, ты же знаешь меня, возьми!

С этими словами он снова посмотрел на меня.

— Знаю. Поэтому и говорю: основную работу делить больше не на кого. Оплату всем назвал.

Шиш потёр шею. Как раз там, где синяк.

— А на подхвате? Я могу носить. Инструмент, что там

надо.

Майки посмотрел на него. Потом на меня.

— Ладно. Постоянному работнику место найдём. Но меньше получишь. Разносишь щётки, тряпки, меняешь вёдра.

Шиш улыбнулся и что-то сказал тихо, я не расслышал.

Майки вытащил из мешка серую безрукавку, показал с обеих сторон. На спине она была порвана, но в остальном выглядела сносно.

— Эта.

— Договорились! — тут же обрадовался Шиш.

— Выдвигаемся! — Майки зашагал вперёд.

Мы шли позади остальных.

Передние двое тянули тележку, а мы с Шишем подталкивали, когда колёса попадали на стыки плит.

Майки шагал впереди и ругался на того, кто поставил посреди прохода пустой короб.

Я подождал, пока грохот колёс станет погромче.

— Расскажешь?

Шиш посмотрел на меня.

— Чего?

— Про рубашку.

Он выдохнул через нос.

Потом поправил руку на бортике тележки.

— Отдал.

— За что?

— За спокойную жизнь.

— Судя по шее, не очень спокойную.

Шиш дёрнул плечом и поморщился.

Несколько шагов молчал. Я уже решил, что опять пошлёт меня, но он вдруг заговорил:

— Есть тут один. Нанял меня когда-то. На общее дело, как Майки. Только задание другое.

Я повернул к нему голову.

— Какое?

— Людей отвлечь. Спросить что-нибудь, поспорить. В проходе задержать. Пока он своё заберёт.

— Своё?

— Так сказал.

— А ты поверил?

Шиш посмотрел на меня зло.

— Я не совсем идиот, Рат. Понял, что чужое. Но думал, еда, вода. Мелочь какая-нибудь. Контейнеры небольшие были.

Тележка подпрыгнула на стыке. Мы оба навалились на неё, пока задние колёса не перевалили через шов.

— Отвлёк? — спросил я.

Он потёр ладонью рот.

— Да. Всё сделал, как надо. Только потом увидел, что внутри. Когда расплачивались, он открыл контейнер и предложил выбрать себе что-нибудь. Только не из обычных вещей. Руки там были. Человеческие.

И ещё… это были ящики для ремонта консервов, разобранный утиль. Много.

Я вспомнил стол, уезжающий за створки.

— Конечности?

Шиш кивнул.

— Он их кому-то менять собирался. Кому — не знаю.

Я тогда только третий цикл работал. Пошёл под камеру и рассказал. Где взяли, куда унесли. Всё.

— И что?

— Пришли за ним. Только он как-то узнал и ушёл в «Дот».

— Куда?

— Сектор такой. Без камер. Туда не ходят просто так.

— Совсем без камер?

— Да, в Доте обрушение потолка было. Рельсов там нет, осмотр выполняют сами люди и отчитываются Меху.

Дот.

— И что, он свалил в Дот, и теперь там живёт?

— Не знаю. Он людей присылает. Говорит, я ему теперь должен свои руки и ноги. За сорванную сделку. За то, что ему теперь лишний раз показаться нельзя. Мех ведь его теперь ищет постоянно.

— Во дела...

— Да ничего я ему не должен! Урод он! Не понимаю, почему ему подчиняются...

Шиш сказал это слишком громко. Один из мужчин впереди обернулся.

Мы замолчали. Прошли ещё немного.

— Налог, — тихо продолжил Шиш. — Он это налогом зовёт. Типа, пока я руки и ноги ему не отдам, он с меня на них налог брать будет. Первый раз избили сильно. Порцию отдал, всё, что было. Потом уже две потребовал. В другой раз перчатки. Теперь вот рубашку. С каждым разом больше хочет.

— И надолго этого налога хватает?

Шиш усмехнулся.

— Да как ему самому вздумается. Как кто-то из его обезьян меня видит, так и начинаются побегушки.

Я посмотрел на его плечо.

На пятне уже проступали отдельные тёмные полосы, а по контуру кожа пожелтела.

— Хреново, Шиш, очень хреново!

Телегу снова с грохотом качнуло.

— Почему Майки не скажешь?

— А он чего сделает? Ему свою работу делать надо. И мне тоже. Думаешь, он мне охрану приставит или разберётся с уродами из Дота?

— Ну а камера? Под ней же безопасно передвигаться.

— Под камерой он просто спросит, когда я верну долг, но слепые зоны случаются почти везде. Да и всегда может попасться задание, где камер нет.

Я помолчал.

Что вот тут можно сделать? Найти этого урода и врезать

ему? Отбить всё желание лезть к приятелю. Или убить?

Докатился... сколько я тут, что уже всерьёз рассматриваю вопрос об убийстве человека?

Оскотиниваюсь потихоньку.

— Слушай, — сказал я. — Мы с этим разберёмся.

Шиш повернул голову.

— Не лезь, Рат. Серьёзно. Я тебе не для этого рассказал.

— Я не сказал, что сейчас пойду морду бить дебилу.

— А что тогда?

— Подумаю. Но нельзя же так каждый раз платить.

— Можно, — ответил Шиш. — Как видишь. Просто не повезло, накопился долг. Это редкие ситуации.

Я посмотрел на него.

— Ну значит, придумаем, как перестать. Пока ты мягок и податлив, как пластилин, так и будет. А потом ты просто издохнешь, отдав ему свои руки и ноги. Как утиль! Думаешь у тебя реально есть шанс отдать долг? Он будет расти постоянно.

Он хотел что-то сказать, но Майки крикнул первым:

— Вы там уснули?! Поднажмите!

Мы упёрлись в тележку.

Шиш больше не спорил. Только через несколько шагов негромко сказал:

— Рубашка и правда хорошая была.

Я ничего не ответил.

До нужного блока дошли, когда я уже перестал следить за

поворотами.

Пришлось заставить себя оглядеться. Две толстые трубы над входом. На правой — квадратная накладка. Цифра двадцать три, ниже неё потёк ржавчины.

Запомнил.

Внутри пахло так, что оба моих пельмешка, кажется, попытались спрятаться поглубже в карман.

Вдоль стен шли широкие трубы. На уровне пояса у каждой — круглый люк с прижимами. Под ними стояли пустые лотки, а в дальнем углу темнела куча слежавшихся тряпок.

— Вот, — сказал Майки. — Наш участок.

Мужчина с повязанной головой подошёл к первому люку и остановился.

— Ох ты ж…

— Это он ещё закрыт, — сообщил Майки.

Я посмотрел на отложенную для меня рубашку, торчавшую из мешка на тележке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.